

ИГОРЬ КОГАН

2

СИНДРОМ КИММЕРДЖАК

Игорь Коган

СИНДРОМ КИММЕРДЖА

«Автор»

2026

Коган И. Л.

СИНДРОМ КИММЕРДЖА / И. Л. Коган — «Автор», 2026

Леонид Светлов перестал быть человеком. Но только так он может спасти тех, кого превратил в монстров. После катастрофы с мальчиком-телепатом Леонид, нейрофизиолог с даром управлять чужими эмоциями, оказывается в ловушке, а его способности вышли из-под контроля. Единственный шанс выжить — эволюционировать и покинуть человеческую форму, чтобы получить доступ к силе, способной переписать будущее человечества. Второй круг масштабной и философской фантастической эпопеи десятилетия.

© Коган И. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Семь кругов реальности.	5
Круг 2: Иллюзия формы	5
ГЛАВА 1. ПРОТОКОЛ ТЕНИ	6
ГЛАВА 2. СЕТЬ АВИЦЕННЫ	9
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ УЧЕНИК	13
ГЛАВА 4. ВЗЛОМ СОЛДАТА	17
ГЛАВА 5. ИСКУШЕНИЕ ЕРМАКОВА	21
ГЛАВА 6. МАНИФЕСТ ПРОМЕТЕЯ	25
ГЛАВА 7. СОВЕТ СТРАЖЕЙ	31
ГЛАВА 8. ЗНАКОМСТВО С АРТЁМОМ	36
ГЛАВА 9. НАКАНУНЕ	40
ГЛАВА 10. КАТАСТРОФА	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игорь Коган

СИНДРОМ КИММЕРДЖА

Семь кругов реальности.

Круг 2: Иллюзия формы

ГЛАВА 1. ПРОТОКОЛ ТЕНИ

Метро пахло потом, тревогой и жареным луком — запахом повседневного выживания.

Леонид и Вера шли по перрону, не сговариваясь, в полшага друг от друга. В сумке у Веры лежали не продукты, а шприцы с нейростабилизатором, флаконы с адаптогенами и «противоядие для души» — так она называла коктейль из мелатонина, L-теанина и чего-то, что, по слухам, осталось от разгромленной лаборатории «Эйдоса».

— Ты сегодня бледный, — сказала она, не глядя на него. — Не надо было пить кофе после того, как перестал чувствовать вкус.

— Я чувствую, — ответил он. — Просто теперь кофе пахнет пеплом.

Он не сказал, что пепел — это запах чужих решений, которые он не сумел изменить. Сегодня в больнице был семьдесят третий ребёнок с необратимой деградацией сознания, которого они не смогли спасти. Леонид пытался войти в его разум — и вышел с ощущением, будто его вывернули наизнанку.

— Забудь, — бросила Вера. — Сегодня вечером ты не доктор. Ты просто пассажир.

Но он уже не мог быть пассажиром. В вагоне, среди плотной толпы, он ощутил чёрное пятно — чистую, ледяную ярость. Субъект оказался мужчиной лет тридцати в куртке с капюшоном. Его рука в кармане сжимала что-то плоское: не пистолет, а дозу, но он не продавал — он терроризировал. Его поле давило на всех вокруг, вызывая страх, покорность и тихую ненависть.

— Видишь парня у двери? — тихо спросил Леонид.

— Вижу. Хочешь устроить ему медитацию?

— Хочу отключить.

Он закрыл глаза, замедлил дыхание и вошёл в чужое сознание не как гость, а как взломщик. Отыскал центр агрессии — плотный, горячий узел — и ввёл противофазу. Мысленно запустил Протокол «Тень»: цель — субъект с полевым паттерном «Агрессия-Доминирование», контрчастота «Фобос» — эхо собственного страха субъекта, усиленного до порога соматического отклика. Паника, холод, ощущение падения в пустоту.

Мужчина вскрикнул и схватился за грудь. Затем упал на колени, задыхаясь; его глаза закатились, обнажив белки.

Леонид открыл глаза.

— Цель нейтрализована, — прошептал он. — Побочный эффект: чип изъят.

Внутренний голос отчитался: *«Задание выполнено. Целостность оператора под вопросом»*.

Вера шагнула вперёд, будто хотела помочь, и ловко подхватила упавшего. Её рука на мгновение скользнула в карман его куртки. Она театрально отшатнулась, изобразив испуг, но в её ладони уже лежал тонкий чип. Он не отражал свет — он его поглощал, словно внутри была тень, замороженная в кремнии. Пальцы Веры сомкнулись на холодной, инертной пластине. Она встретилась взглядом с Леонидом, и в её глазах он прочитал: *«Получили. Уходим. Сейчас»*.

— Приятель, твои секреты теперь наши, — шепнула она в пустоту.

Но Леонид уже не слышал. Его защита — архаичный протокол «Огнетушитель», которому мозг когда-то научился как спасению, — дала сбой, на мгновение отключившись, словно устаревшая операционная система. И данные — сырые, нефильтрованные потоки чужих психосигналов — хлынули внутрь, создавая в его восприятии водопад чужих душ. Его аналитический ум мгновенно распознавал паттерны:

«На языке — горечь чужих разводов» — нейрохимический коктейль, сопутствующий долгосрочному стрессу и чувству потери.

«*В висках — стук чужих долгов*» — соматический отклик на фоновую тревогу, вызванный «петлёй обязательств».

«*В лёгких — давление чужих страхов*» — физиологическая имитация удушья, характерная для панических атак.

Он согнулся, и его вырвало прямо на платформу. Это был не эмоциональный срыв, а системный перегруз: тело отторгало невыносимый объём информации. Слезы, немота и слепота овладели им, хотя он не испытывал страдания. Его ум лишь констатировал ошибку: Протокол «Тень» оставил канал восприятия полностью открытым и беззащитным.

— Ленья? — голос Веры прозвучал как верёвка над пропастью.

Он не смог ответить, только схватил её за руку — крепко, как утопающий.

Люди вокруг подозрительно наблюдали за ними. Женщина оттащиwała ребёнка, высокий мужчина снимал на телефон. Охранник в наушниках что-то сказал в рацию: «...тип в чёрном... странно себя ведёт...»

Над головами пассажиров мигнула голограмма, сканируя их лица, и тут же появился рекламный баннер: «*Чувствуете тревогу? Возможно, вы — её источник для других. NeuroSync: защитите себя от эмоциональных паразитов*».

Леонид почувствовал это как удар в солнечное сплетение. Вера помогла ему встать и обняла за плечи.

— Ну что, гений, — сказала она, и в голосе дрогнула улыбка, — теперь ты мой слепой щенок. Держись за воротник.

Из окна мелькнула станция. Мир перед глазами Леонида плыл, распадаясь на пиксели. И сквозь шум в ушах, сквозь гул вагона он ощутил словно чистую струю света — красивую мелодию. Нежную, гармоничную, как математическое доказательство. Она погасила его боль, хотя бы на секунду. Леонид повернул голову и увидел: девушка в наушниках, юноша с планшетом, старик с древним плеером. И у всех — одна и та же мелодия. Она звучала из разных устройств, будто город сам предлагал ему противоядие. Он не запомнил её, но Вера, сжимая его руку, уже записывала звук на телефон. Позже она найдёт его в сети. Автор: Артём_К.

На улице дул неприятный ночной ветер. Леонид дрожал, почти ничего не видя перед собой.

— Ты не герой, Ленья, — сказала Вера, когда они садились в такси. — Ты мишень. Каждый раз, когда ты это делаешь, ты рисуешь на себе мишень. Мы не для того создавали «Маяк», чтобы его архитекторы горели на публике. Мы должны рассылать протоколы, а не становиться ими.

— А если не я, то кто? — спросил он, глядя в темноту за окном.

Вера не ответила. В кармане куртки она нащупала добытый сегодня чип и вытащила его. Материал оказался не пластиком и не кремнием — он напоминал что-то биосовместимое, почти кость. На поверхности виднелся логотип: три пера, вписанных в окружность.

— Нет в наших базах, — она провела пальцем по чипу, изучая его. — Нет в открытой сети. Я проверяла через прокси «Эйдоса» — тишина. Такого материала просто не существует.

Леонид взял чип и ощутил вибрацию — но на частоте, не совпадающей ни с одной городской вышкой. На ощупь он был тёплым, как живая плоть, и Леониду показалось, что чип на мгновение синхронизировался с его глубинным ритмом, с той тихой, нечеловеческой частотой, что когда-то спасла его от взрыва и которую Лариса Орлова в своих записях назвала «Альфа-Ноль».

— Это похоже на маяк, — прошептал он. — Или на ключ.

— Или на приманку, — добавила Вера серьёзно.

Такси свернуло за угол. Леонид посмотрел на свои руки. Они не светились, но в них как будто звучало остаточное эхо чужих жизней: *девочка в больнице... её зовут... имя уплыло,*

остался только вкус клубники во рту, которой он никогда не ел... кредитный договор... похороны без слёз...

Он попытался отключить это, но не смог.

— Протокол «Тени» сработал, — сказал он. — Но оставил огромную дыру во мне.

— Ты не доктор, — повторила Вера. — Ты мост. А мосты ломаются под весом.

Он не ответил, потому что впервые почувствовал: его метод не лечит, он только подключает. Кого к кому и для чего — этого он пока не понимал.

ГЛАВА 2. СЕТЬ АВИЦЕННЫ

Леонид сидел на стуле, как статуя из плохо обожжённой глины. Глаза были открыты, но не видели; руки лежали на коленях, но не чувствовали; грудь поднималась, но дышало не само тело, а лишь инерция, как у забытого сервера в подвале. Сознание оставалось где-то там, за гранью «Огнетушителя», в том состоянии, которое он ошибочно принимал за «кристалл» — не целостность, а её суррогат: чистую фокусировку, купленную стиранием всего лишнего, включая собственное «я». Это была не гармония, а тишина после взрыва.

Вера вошла с подносом. На нём лежали шприц с питательной смесью, капельница с электролитами и чашка с тёплой водой.

— Привет, камень, — сказала она, но голос был мягче обычного. — Сегодня три дня. Или ты уже перешёл на фотосинтез?

Он не ответил.

Она опустила на колени, отвела прядь волос с его лба. Кожа оказалась сухой, чуть прохладной — как у спящего ребёнка.

— Я знаю, ты там, — прошептала она. — Просто вернись. Хотя бы на минуту.

Она ввела питательную смесь через катетер в вену, затем закапала глаза, чтобы не пересохли, и увлажнила губы ватным тампоном. Это был не уход — это была попытка удержать человека от растворения в собственном методе.

На стене тикали часы. Три дня прошло с тех пор, как он «отключил» агрессора в метро. Он не упал и не закричал — он просто не вышел обратно. Словно, войдя в чужое сознание, забыл, где заканчивается чужое и начинается своё.

Семьдесят два часа он отсчитывал не привычными промежутками, а метаболическими циклами. Сознание не отсутствовало — оно было повсюду, распластанное, как масляное пятно на воде, и регистрировало каждый квантовый шум в стенах бункера, каждое колебание магнитного поля Земли, каждый импульс боли в ноге Веры, когда она наступала на больную ступню.

«Кристалл» оказался не уходом от себя, а растворением в паутине связей. Леонид стал проводником, через который протекала реальность, и не мог перекрыть ток, не разорвав цепь.

Вера говорила с ним, и её слова достигали его не как звук, а как формы давления на барабанные перепонки; мозг лениво, с задержкой в секунду, переводил эти паттерны в смыслы.

— Ну что, гений, — сказала Вера, вставая, — если завтра не заговоришь, начну тебя поливать. Комнатные растения так разговаривают, знаешь ли.

Он знал, что должен ответить. Сигнал шёл от намерения к мускулам, как по ржавому проводу: импульс — сокращение — моргание. Это был не ответ, а тест системы: подключён ли ещё пользователь к телу?

Вера замерла.

— Это «да» или «нет»?

Его палец на колене дрогнул, описав по потёртой ткани штанины микроскопическую дугу. Это был сознательный сигнал, а не рефлекс.

Он снова моргнул. И Вера улыбнулась — впервые за трое суток.

Вера вернулась к ноутбуку.

Сеть Авиценны — закрытое зашифрованное пространство, созданное ими как убежище для «аномальных». Там был не форум, а полевой дневник выживания: врачи, учёные, родители, подростки — все ищут ответ на один вопрос: «Почему со мной это происходит?»

Сегодня появился новый экстренный запрос.

Пользователь: m_mira Тема: СРОЧНО. Муж в коме. NeuroSync-вышка.

Текст: «Установили домашнюю вышку NeuroSync неделю назад. Он начал жаловаться на шум в голове. Вчера утром упал. Врачи говорят — „когнитивный коллапс“. Но я видела, как его пальцы... светились. Как в том видео про „Панакею“. Пожалуйста, если вы можете что-то сделать...»

Вера прочитала вслух, и голос её дрогнул.

— Они видели видео. Насколько широк круг теперь?

Она кликнула на вложенные данные: ЭЭГ, МРТ, биохимию — и замерла. В геномной секвенции обнаружился маркер. Не полный, но фрагмент. Тот же, что у Леонида.

Она подошла к нему, держа экран перед глазами.

— Смотри. Мы не одни.

Он не двинулся.

Вера знала: он видит. Просто не может сказать.

— Если ты можешь помочь... ты должен. Даже если это заберёт тебя ещё глубже.

Наступила полная тишина. Потом Вера уловила лёгкое движение пальцем вниз. «Да».

Она привезла нейроинтерфейс — старую модель из лаборатории «Эйдоса», похожую на шлем из чёрного сплава с сотней тонких игл-электродов.

— Это не красота, — сказала она, устанавливая шлем ему на голову, — но это работает. Надеюсь. Одолжила на время у кладовщика бывшего «Банка памяти» — у него еще много таких игрушек.

— Базовая частота — 7.8 герц, — вслух говорила Вера, запуская калибровку. — Тета-диапазон. Шумоподавление включено.

На экране возникла визуализация. Не энцефалограмма, а трёхмерная карта его ментального пространства — сияющий переливающийся многогранник, опутанный хаотичными золотыми нитями. Это были обрывки чужих жизней, подхваченные в метро.

— Вижу помехи, — констатировала она. — Приступаю к фильтрации. Готовься.

Она не обращалась к нему — так она настраивала прибор. А он был его главной частью.

Леонид чувствовал, как посторонние воспоминания, застрявшие в нём, словно осколки стекла, один за другим теряли остроту и тонули в фоновом шуме. Горечь чужого развода распалась. Давление мужниных долгов рассосалось.

Но девочка с клубникой — та, из метро — не уходила. Её образ цеплялся.

«Ты сохранил меня, — казалось, шептал он. — Почему?»

Потому что это было тепло. Единственное, что осталось от неё. Глупо. Неэффективно. Но тепло. Он обернул это воспоминание в защитный слой внимания, отправил в отдельную ячейку и сохранил.

— Ты в «кристалле», — прошептала Вера.

Он вздохнул и стал инструментом. Но теперь инструментом, который помнил вкус клубники.

Он не просто «вошёл» в пациента, а настроил с ним резонанс. Вместо того, чтобы искать его океане шума, он исключал всё лишнее.

Сначала отсек шум города: миллионы голосов, Wi-Fi-сигналы, телепередачи. Затем — биополя соседей, животных, даже насекомых в радиусе километра. Мир сузился до одной точки на карте, до одного тела в реанимации.

Поле пациента оказалось похоже на испорченный приёмник, из которого неслась оглушительная какофония. NeuroSync не просто глушил — он вплетал в нейронные цепи чужеродный механистический ритм, вытесняющий естественные частоты.

Леонид не стал бороться с ним. Он сделал нечто более изощрённое — подстроился. Его сознание приняло ту же модуляцию, тот же цифровой тембр. Он стал «своим» для системы,

вирусом, проникшим под маской легитимного сигнала, и изнутри, как сапёр, начал перерезать провода.

«Протокол «Синхрон».

Цель: субъект m_mira.

Паттерн: когнитивный коллапс, вызванный внешним воздействием.

Шаг 4: локализация очага подавления в коре головного мозга. Обход... Успех. Шаг 5: точечная стимуляция стволовых отделов. Ввожу несущую частоту «Эвридика»».

На другом конце связи врач в реанимации видел, как скачут показания монитора. ЭЭГ из хаоса складывалась в упорядоченный альфа-ритм. И тут Леонид заметил это: свет в пальцах пациента. Не хаотичные вспышки агонии, а ритмичные, управляемые импульсы — точь-в-точь как у него самого, когда он был на грани. Это был не симптом. Это был язык. Язык генома, отвечающего на правильный запрос.

Значит, теория Ларисы Орловой была верна. Свет — не проклятие, а индикатор. Инструмент. Он восстанавливал связь между телом и сознанием.

Медсестра выронила чашку. Врач позвал реаниматолога. Но пациент открыл глаза. Он не был в панике или в боли — он был в тишине.

— Мира?.. — прошептал он.

В подземной лаборатории снова воцарилась тишина.

Леонид отключил интерфейс, но не вышел из «кристалла» — он ушёл ещё глубже. Вера подошла, поставила перед ним чашку с супом.

— Ешь.

Он посмотрел на неё, потом на суп.

— Что это? — спросил хрипло.

— Твоя любимая водорослевая жижа.

Он взял ложку, поднёс ко рту и поморщился.

— Это... не имеет вкуса.

Он отодвинул тарелку.

— Как будто я читаю описание «супа» в словаре. Буквы есть, смысла нет.

Он подошёл к стене и прижался к ней лбом. Штукатурка была шершавой, настоящей.

— Я помню, что у страха есть вкус металла, а у радости — запах дождя. Но это как читать про цвета, будучи слепым.

Он обернулся к Вере, и в его глазах она увидела не боль, а холодный, почти научный интерес.

— Интересно, какие ещё сенсорные каналы можно отключить, чтобы повысить эффективность? Может, слух? Осязание? Может быть, тогда я смогу удерживать «кристалл» не три дня, а неделю.

— Леня! — её голос прозвучал как щелчок по лбу. — Это не улучшение. Это ампутация.

— В условиях ограниченных ресурсов, — ответил он тем же бесстрастным тоном, — ампутация — единственный способ сохранить систему. Я — система. Ты — мой оператор.

— Может, ты просто голодный?

— Нет. Это... серое. Как будто еда — это описание еды, а не сама еда.

Он поставил ложку.

— Я не чувствую запаха. Ни твоего, ни озона, ни пыли. Ничего.

Он встал, подошёл к зеркалу и посмотрел на себя.

— Я не машина, Вера.

— Нет, — сказала она тихо. — Ты хуже. Ты — идея, которая забыла, что у неё есть руки.

Он ударил кулаком по зеркалу. Но не от ярости, а от потребности почувствовать хоть что-то: боль, удар, связь между намерением и физическим миром. Но боли не было. Стекло не треснуло. Зато его костяшки засветились.

— Интересно, — прошептал он, глядя на свет в пальцах, — если я не чувствую вкуса... значит, я теперь официально бессмертен? Или просто скучный?

Она рассмеялась — с облегчением и болью одновременно.

— Бессмертные не жрут стабилизаторы по три грамма в день. Ты просто уставший гений. Но он уже не слушал.

Позже, в темноте, он сидел у монитора. Анализируя данные пациента, он обнаружил полный геномный маркер, идентичный его собственному.

— Я не один, — сказал он.

Вера сидела рядом, просматривая форум Сети.

— Десятки таких постов, — сказала она. — Все симптомы похожи: свет, головная боль, «чувство, что я не отсюда».

И вдруг остановилась.

— Посмотри.

Она показала удалённый пост. Дата — три недели назад.

Пользователь: Артём_К. Тема: Это нормально?

Текст: «У кого-нибудь ещё пальцы светятся, когда вы на взводе? Я не прикалываюсь. Мне по-настоящему страшно».

Леонид прочитал и запомнил имя.

— Он написал «страшно», — заметил он. — Не «странно», а страшно.

— Мы найдём его, — сказала Вера.

— Нет, — ответил он. — Он найдёт нас.

Он поднял руку. В ладони мерцало слабое сияние.

— Потому что свет всегда ищет свет.

Ночью он не спал. Сидел у окна, глядя на тени заброшенного двора. В голове бродили не мысли, а обрывки.

...девочка в больнице... её зовут... имя уплыло... остался только вкус клубники во рту, которой он никогда не ел...

Леонид не знал, чья это память — его или чужая. Или просто эхо от перегрузки. Но вкус был реальным. Сладким, кислым, живым. Единственным, что ещё чувствовалось.

Он закрыл глаза, и по его щеке скатилась слеза. Она была безвкусной. Но в памяти, ярче любого настоящего, всё ещё горел вкус клубники. Чужой и единственно живой.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Катя вошла в лабораторию, как в чужой сон. Пальцы сжимали край куртки так сильно, что костяшки побелели. Глаза были опущены — казалось, она боялась увидеть чужие мысли на лицах окружающих. Она не смотрела на Веру, не смотрела на Леонида. Она смотрела в точку между ними, где, по её словам, «шум был тише».

— Это Катя, — представила Вера. — Филолог. Раньше читала Пушкина и плакала. Теперь читает меню — и плачет.

Катя не улыбнулась, но кивнула.

— Я слышу всех, — прошептала она, и слова выходили рвано, словно ей мешал кто-то другой. — Всё время. Даже когда сплю. Особенно когда сплю... Кошмар соседа не просто страшный, он... липкий. И пахнет ржавчиной. Я чувствую этот вкус во рту.

Леонид молчал. Он знал это чувство. Но у него оно было выбором. У неё — потопом.

— Если я вдруг начну цитировать Пушкина в истерике, — добавила она, и в голосе мелькнула искра прежней себя, — просто заткните меня. Психиатрам «онегинскую строфу в височной доле» не объяснишь.

Леонид впервые за неделю улыбнулся.

— Добро пожаловать в ад с хорошей акустикой.

Он наблюдал за ней не как врач, а как сейсмограф, регистрирующий чужие подземные толчки. Её психическое поле напоминало разорванный тент во время урагана: ключья мыслей, обрывки чувств, и сквозь дыры врывался ветер чужого сознания.

— Не пытайся фильтровать, — сказал он. — Ты пытаешься просеять океан через сито. Это бесполезно. Нужно построить дамбу.

Он подошёл ближе. Катя инстинктивно отшатнулась.

— Не бойся. Я не войду. Я покажу дверь.

Он поднял руку, но не прикоснулся. Между его ладонью и её лбом остался сантиметр воздуха, но она почувствовала — шум в голове стих. Не исчез, а отступил, как вода перед молом.

— Как ты это сделал? — выдохнула она.

— Я не сделал ничего. Я просто показал тебе тишину. Твой мозг сам потянулся к ней. Запомни это ощущение. Это — твой нулевой уровень.

Он не собирался «входить» в неё, но она нуждалась в обучении.

— Мы не будем гасить твой дар, — сказал он на первой сессии. — Мы построим вокруг него дом. С дверями, окнами и замком.

— А если я захочу выйти? — спросила она.

— Ты всегда сможешь выйти. Но теперь — по своей воле, а не потому что тебя вырвало в чужую боль.

Метод оказался простым — и мучительно сложным в исполнении.

Слой первый: белый шум.

— Представь, что твоё сознание — это комната. В ней звучит непрерывный белый шум, заполняющий каждый угол, как свет. Он не заглушает другие звуки — он становится пространством, в котором они тонут.

Слой второй: дыхание.

— Дыши. Только дыши. Пусть каждый вдох будет кирпичом в стене.

Слой третий: внутренний диалог.

— Повторяй: «Это не моё. Это не моё. Это не моё». Или цифры, или стихи. Главное — твой собственный голос, а не их.

Первая сессия закончилась тем, что Катя упала на пол и зарыдала.

— Я слышала... как ты думаешь о том мальчике, — сквозь слёзы прошептала она Леониду. — Ты боишься, что не спасёшь следующего.

Он не ответил, но Вера сжала его руку под столом.

Леонид сделал глубокий выдох.

— Продолжим.

Вера читала вслух медицинский справочник за стеной — монотонно, без выражения. Задача Кати была простой: отслеживать ритм дыхания Веры, не обращая внимания на слова.

— Не получается! — крикнула Катя через десять минут. — Я теперь ещё и про цирроз печени знаю!

— Неправда, — возразил Леонид, глядя на монитор электроэнцефалографа. — Ты запомнила только три термина из двадцати. А частота дыхания Веры идеально синхронизирована с твоей. Прогресс есть.

Он не хвалил, а констатировал. Но для Кати это была лучшая похвала.

На третьей сессии они перешли к «принципу аквариума».

— Представь, что ты за стеклом. Ты видишь всё, слышишь всё. Но ни звук, ни запах не проникают внутрь. Ты — наблюдатель в защищённой среде.

И это сработало. Впервые за месяцы она провела час без мигрени.

Леонид собрал импровизированную камеру сенсорной депривации, но не для изоляции, а для калибровки.

— Твоя задача — продержаться пять минут в полной тишине, — объяснил он. — Но не внешней, а внутренней.

Когда дверь закрылась, Катя обнаружила, что абсолютная тишина страшнее любого шума. Её собственные мысли звучали оглушительно. Страхи, которые раньше тонули в океане чужих голосов, теперь вышли на поверхность.

— Я не могу! — крикнула она через две минуты.

— Можешь, — ответил Леонид через динамик. Его голос служил для неё якорем. — Ты слышишь только меня. Значит, фильтр работает. Увеличиваю время до семи минут.

Это было жестоко, но необходимо — как физиотерапия для атрофированной мышцы. Когда Катя вышла, её лицо оказалось мокрым от слёз, но в глазах появилась уверенность.

— Я... слышала себя, — прошептала она. — Это было страшно. Но... я существую.

День третий.

Они запустили виртуальную симуляцию: метро в час пик. Катя сидела в кресле с нейрошлемом на голове и перчатками с датчиками на руках.

— Помни: ты не в теле. Ты — наблюдатель.

Она кивнула. На экране возникла толпа, гул, крики, мысли — как радио на всех частотах сразу.

Через минуту она открыла глаза.

— Я... не слышу их. Я слышу только тебя.

Леонид посмотрел на монитор. Уровень внешнего шума составлял 87%, а уровень её реакции — всего 12%.

— Ты построила первый этаж, — сказал он.

День пятый.

Катя ходила по коридору лаборатории и напевала.

— Что это? — спросила Вера.

— Блок. «Ночь, улица, фонарь, аптека...» — улыбнулась Катя. — Раньше я не могла читать его — слишком больно. Теперь... это просто красиво.

День седьмой.

Она пошла в кафе одна. Вернулась с кофе и улыбкой.

— Бариста думал, что я глухонемая. Я просто не реагировала на его флирт. Но потом сказала: «Спасибо, кофе — как солнечный свет в чашке». Он покраснел. Это было... мило.

Леонид гордился. Не как учёный, а как человек, который вернул кому-то жизнь.

— Ты готова к экзамену, — сказал он. — Завтра — настоящее метро.

— Если выживу, — ответила она, — напишу диссертацию: «Как не сойти с ума в Москве».

Но потом что-то изменилось.

Катя перестала плакать. Перестала громко смеяться. Перестала замечать, что Вера кашляла от простуды уже три дня подряд.

— Ты больна, — сказал Леонид Вере.

— Она не заметила, — ответила та. — Но не потому что не заботится, а потому что не чувствует.

Однажды Катя смотрела фильм — сцену разлуки, слёзы, надрывную музыку.

— Интересный сюжетный ход, — сказала она после. — Но неправдоподобно. Люди не плачут так долго. Уровень адреналина упадёт через девяносто секунд.

Леонид похолодел.

— Ты больше не чувствуешь?

— Я анализирую, — поправила она. — Чувство — это шум. А я научилась его фильтровать.

— Всё?

— Всё. Даже... — она замялась, — даже когда вы говорите мне «спасибо».

Он заподозрил неладное: неужели щит превратился в стену, за которой никого не осталось?

Леонид начал тесты на эмпатию. Он показывал ей фотографии людей с разными эмоциями, прося определить состояние. Результаты оказались идеальными — сто процентов точности.

— Страх, — говорила Катя, глядя на снимок. — Уровень кортизола зашкаливает. Гнев. Выброс адреналина. Грусть... серотонин ниже нормы.

— А это? — Вера показала свою детскую фотографию, где она смеётся.

Катя нахмурилась.

— Положительные эмоции. Дофаминовый отклик. Но есть примесь тревоги. Вероятно, фотограф был незнакомцем.

Вера убрала фото.

— Это мой отец. Он умер через год после этого снимка.

Катя кивнула.

— Да, впоследствии это могло вызвать травму.

Леонид смотрел, как её взгляд скользит по фотографии, не задерживаясь на главном — на боли, запечатанной в улыбке. Внутри него сработал беззвучный сигнал тревоги. Она не чувствовала, а расшифровывала. Её щит не просто защищал — он проводил обратную операцию, отделяя эмоцию от человека, превращая переживание в клинический случай. Катя стала блестящим диагностом человеческих душ, утратив способность к сопереживанию.

Катя пришла в чистой рубашке, с собранной причёской, с блокнотом в руке.

— Я пришла поблагодарить, — сказала она. — И попрощаться.

— Ты уезжаешь?

— Нет. Я остаюсь. Но не с вами. Я больше не нуждаюсь в учителе.

Леонид кивнул. Что ещё он мог сказать?

Тогда она посмотрела на него — прямо, без страха, без тепла.

— Ты дал мне покой. Но забрал душу. Я не хочу быть как ты.

— Я думал... я думал, что спас тебя.

— Ты спас моё тело. Но душа теперь — как чужая квартира. Я не живу в ней. Я смотрю через замочную скважину.

Она встала и на пороге остановилась.

— Мне снился рыжий мальчик. Он горел, а ты стоял и смотрел. Ты не пытался потушить пламя. Ты... измерял его.

Леонид не дрогнул. Но внутри что-то треснуло.

— Ты создал не щит, — сказала Катя у двери, — а наблюдательный пункт. С прекрасным обзором и с бронированным стеклом, через которое нельзя дотронуться.

Она посмотрела на его руки.

— Ты светишься, когда концентрируешься. Я это видела. Но я не чувствую тепла. Только спектр. Как у ультрафиолетовой лампы — стерильный и безжизненный.

Леонид молчал. Внутри него что-то обрушилось. Он дал ей контроль ценой изгнания из сада человеческих чувств. Он вылечил её от болезни, которая называлась «сострадание».

— Что ты будешь делать? — тихо спросила Вера.

— То, чему он меня научил, — ответила Катя. — Наблюдать. Анализировать. Возможно, найду других. Научу их не чувствовать. Это ведь и есть спасение, не так ли?

Её уход был беззвучным — не хлопнула дверь, не прозвучали шаги. Слово её и не было.

Когда она ушла, Вера сказала:

— Она права. Ты не врач. Ты учёный. А учёные не спасают — они наблюдают.

— Я дал ей выбор!

— Нет. Ты дал ей иллюзию выбора. Ты предложил: «Боль или пустота?» А между ними — жизнь. И ты её не предложил.

Леонид молчал. Потом подошёл к зеркалу и посмотрел на свои руки. Они не светились. Но он вдруг вспомнил метро — мальчика с наушниками, мелодию, которую не запомнил. И понял: он не слушал музыку. Он измерял её частоту.

Он выключил свет. Впервые за долгое время он пожелал, чтобы его дар исчез.

Леонид остался один в лаборатории. На столе лежал отчёт Кати о её прогрессе — сухие цифры, графики, выводы. Ни одного личного комментария. Он взял её старый блокнот, оставленный неделю назад. Там были стихи, зачёркнутые строчки, смайлики на полях. И на последней странице — карандашный набросок: два силуэта, один в луче света, другой в тени. Без подписи.

Он провёл пальцем по бумаге и вдруг почувствовал лёгкий электрический разряд — остаточный след её психического поля, замороженный в целлюлозу. Он не читал её мысли, но ощутил отчаяние, как тепловой отпечаток на стене. Он считывал биографию её нейронных связей за последнюю неделю.

«Протокол наблюдения, — мысленно начал он. — Субъект: Катя. Результат: стабилизация. Побочный эффект: эмоциональная анестезия. Вывод: метод требует доработки. Цена успеха неприемлема».

Но это была ложь. Успех был достигнут. Он просто не предполагал, что спасение может пахнуть формалином.

Он вышел в коридор. Из соседней комнаты доносилась музыка Веры — та самая мелодия Артёма. Он остановился, чтобы послушать, и поймал себя на том, что анализирует её музыкальный строй, а не чувствует красоту.

Метод сработал безупречно. Заразительным оказался не дар, а метод. Он вылечил Катю от человечности, и теперь её болезнь стала его диагнозом.

Или их общим методом.

ГЛАВА 4. ВЗЛОМ СОЛДАТА

Чип лежал на столе, как спящее существо. Он не отражал свет — он поглощал его и возвращал в виде тёплого, почти биологического пульса. Леонид касался его кончиками пальцев и чувствовал: чип жил. Не как машина, а как живой орган.

— Биокерамика на протеиновой матрице, — Вера оторвалась от микроскопа, и в её голосе прозвучало отвращение, смешанное с любопытством. — Это не просто чип. Это симбиот. Смотри — нейрофибриллы, как у нервной ткани. Он не вживлён, а, скорее, приживлён. Он должен был срастись с носителем, стать частью его нейросети.

Леонид провёл пальцем по тёплой поверхности. Ему почудился отклик — слабый, тревожный импульс, будто артефакт узнал в нём родственную структуру. «Он дышит в такт со мной, — осознал он. — Не в такт сердцу, а с тем, что за сердцем».

— Ты уверен, что хочешь это делать? — спросила Вера, не отрываясь от монитора.

— Нет, — ответил он. — Но я обязан.

Она вздохнула.

— Ты не собираешься его спасать. Ты собираешься взорвать ему мозг изнутри.

— Я собираюсь вернуть ему себя.

— А если «себя» он не захочет? — её голос стал тише. — Что такое «я» для тебя? Для него, чьё «я» стёрли и собрали заново, как конструктор? Ты рискуешь не вернуть ему личность, а обрушить на него груз двенадцати трупов. Это не освобождение. Это пытка воспоминаниями.

— А какая альтернатива? — голос Леонида был сухим, как скрип пергамента. — Оставить его удобным инструментом в руках мясников? Возможно, изначально «Эйдос» и создавал Оболю как терапию, чтобы лечить травмы, но любая технология извращается в чужих руках. Сначала — за деньги, а потом — для калечения душ. Кто-то использует наш инструмент как оружие. И моя этика не позволяет мне наблюдать со стороны.

Он не ответил. На экране отображались данные, извлечённые из чипа: координаты, временные метки и один идентификатор, выделенный красным:

Объект с тройным пером

Статус: Активен

Последняя операция: Калуга

Жертвы: 12 несовершеннолетних, категории «Потенциал»

Леонид закрыл глаза. Он помнил Калугу — не своими глазами, а через эхо в Сети. Рыдания матери, запах гари и тишину, потому что все дети, которые кричали, умолкли навсегда.

— Это похоже на их методы, — сказал он тихо. — Но масштаб другой. В «Эйдосе» были метки с одним пером. Три — это что-то новое. Или старое, но скрытое.

— Если за этим стоит Палимпсест, — сказала Вера, — то мы недооценивали их возможности.

— Неважно, кто они, — ответил он. — Они убили детей. А я не спас даже одного. Больше не допущу такой ошибки.

Он усмехнулся.

— Если я стану палачом, пообещай похоронить меня в белом халате. С надписью: «Пытался быть врачом».

Она не улыбнулась, потому что знала: он уже начал превращаться во что-то новое.

Они нашли его в промзоне. Солдат патрулировал заброшенный завод по переработке радиоактивных отходов — ирония системы: чистить мир, стоя в самом грязном месте.

Он был идеален. Движения выверенные, экономные, лишённые намёка на индивидуальность. Солдат-автомат. Но Леонид, настроив восприятие через чип, видел не только это. Он

видел Обол — тюрьму, в которой томила личность мужчины. Искусственный инстинкт опутал сознание, как стальной плющ: душил, подавлял, но не уничтожал полностью. Где-то в глубине, под спудом, теплился крошечный огонёк. Биологический якорь, не позволявший телу умереть от отторжения. Именно его предстояло найти.

Леонид не выходил из лаборатории. Он сидел в кресле с нейрошлемом на голове, прижав чип к виску — как камертон для чужой души.

— Ты уверен, что чип сработает как резонатор? — спросила Вера.

— Он не резонирует с городом, — ответил он. — Но он резонирует с ними. Со всеми, кто носит такой же чип. Это как семья меток. А семья всегда откликается на зов.

«Протокол «Эхо».

Цель: солдат с тремя перьями.

Гипотеза: Обол не стирает память, а архивирует её в подсознании, используя как стабилизатор.

Метод: локализация архива через резонанс с артефактом. Введение вирусного паттерна — незашумлённого воспоминания. *Ожидаемый результат: конфликт между имплантированной и подлинной личностями, коллапс Обола».*

Он мысленно проговорил это, как мантру, пытаясь загнать в рамки гипотезы животный ужас от того, что собирался сделать. Леонид не знал, сможет ли спасти этого солдата. Но у него не было выхода. Он был вирусологом, запускающим штамм в организм без гарантии, что тело выдержит.

Он включил питание. Мир вокруг исчез. Остался только поток его личности — холодный, упорядоченный, без эмоций. И далеко, на грани восприятия, — другой поток. Жёсткий, механический Обол — нейронный шаблон, впервые описанный в «Эйдосе» как инструмент терапии.

Но этот Обол был не для исцеления. Он стирал не только страх, не только боль, но даже страх перед смертью был убран как лишний шум.

Леонид не атаковал Обол напрямую. Он нашёл щель — не мысль, а комплексное воспоминание: вкус сладкого теста, тепло печи, шершавость маминого передника, низкий смех. Система стёрла контекст, но не смогла извлечь из нейронной сети эту укоренённую в теле память о счастье и безопасности. Это и был тот самый биологический якорь.

Маленький мальчик. Руки в муке. Запах блинов по утрам.

Он внёс это воспоминание в поток как вирусный паттерн и начал усиливать — не словами, не образами, а ритмом. Сердцебиение матери, дыхание ребёнка, шум дождя за окном — всё это на одной частоте. Частоте боли по утраченному.

На его лице не было ни ярости, ни отчаяния — только концентрация хирурга, вскрывающего живой мозг. Он видел, как вирусная частота, словно троянский конь, проникает сквозь фильтры Обола. Видел, как в стальном потоке сознания солдата возникают сбои — микроскопические трещины. В них пробивалось что-то тёплое, живое и ужасное. Первый обрывок: смех девочки. Второй: плач. Третий: тихий вопрос «папа?»... Леонид продолжал качать частоту, чувствуя, как по его собственной спине бегут ледяные мурашки. Он не просто наблюдал — он проживал этот распад вместе с солдатом.

На другом конце города солдат вскрикнул. Шлем полетел в грязь. Он упал на колени, хватаясь за голову, будто пытался вырвать что-то изнутри.

— Что... что я... — хрипел он. — Боже... дети...

Его глаза больше не были пустыми. В них был ад пробуждения. Он вспомнил. Всё.

Леонид отключился. Пот лил с него ручьями, руки дрожали, но в глазах светился триумф.

— Получилось.

— Ты его сломал, — сказала Вера. — Не освободил, а сломал.

— Он вспомнил себя!

— Он вспомнил не себя! — голос Веры сорвался. — Ты вбил ему в голову катарсис, как гвоздь! Ты показал ему идеализированную картинку «мамы и блинов», а потом обрушил на него лавину из двенадцати трупов. Какой мозг выдержит такой контраст? Ты не дал ему времени на адаптацию.

— Времени? — Леонид с силой провёл рукой по лицу, смахивая пот. — У нас нет времени, Вера! Пока мы будем беречь его психику, они уничтожат ещё двадцать таких же, как он, и ещё сотню таких, как те дети.

— Да. И теперь он знает, что убил двенадцать детей. Ты считаешь, это свобода?

На улице завывли сирены — группа реагирования прибыла на сбой в системе. Но было уже поздно. Их солдат уже не принадлежал системе, которая его создала. Он принадлежал своей совести. А совесть, как оказалось, не прощает.

Два дня спустя раздался стук в дверь — не резкий, не требовательный, а молящий. Вера посмотрела в глазок.

— Это он.

Леонид подошёл. За дверью стоял бывший солдат — без формы, без оружия, в чистой рубашке, как будто шёл на похороны.

— Пустишь? — спросила Вера.

Леонид кивнул.

Мужчина вошёл и остановился, словно не зная, что делать дальше в этом нормальном, человеческом пространстве. Он пах дешёвым мылом и одиночеством. Его руки, привыкшие сжимать оружие, беспомощно повисли вдоль тела. Он был похож на ребёнка, который заблудился в собственном доме.

Несколько секунд он стоял, будто забыл, зачем пришёл. Затем медленно опустился на колени.

— Убей меня, — прошептал он. — Пожалуйста.

— Нет, — ответил Леонид.

— Я помню их лица. Их имена. Как они звали мам... Я не могу...

— Ты должен жить. Чтобы рассказать миру, что они делают.

— Мир не поверит. А я... я не вынесу.

Солдат поднял на Леонида взгляд, в котором не было ни злобы, ни упрёка, только бесконечная, всепоглощающая усталость.

— Вы не понимаете. Они не просто приказывали. Они вкладывали приказ прямо в голову. Он был... сладким. Я чувствовал удовлетворение, выполняя его. А теперь я помню и этот сладкий вкус, и их глаза. И я знаю, что этот маньяк — я. Какая тюрьма сможет заточить его? Только одна.

Леонид молчал. Все его теории, все протоколы разбивались об один простой и страшный факт: он вернул человеку душу, но не смог дать ему сил, чтобы жить с ней.

Солдат поднял глаза, и в них застыла чистая, ледяная боль.

— Ты открыл мне глаза, но теперь я не могу смотреть на себя в зеркало.

Леонид молчал. Что он мог сказать? «Прости»? Это было бы оскорблением.

Солдат встал и ушёл. На следующее утро его нашли в подворотне. Самоубийство. В кармане — устройство слежения с логотипом трёх перьев и записка:

«Спасибо за память. Прости за слабость».

Леонид не плакал. Он сидел у монитора и анализировал данные солдата, ища оправдание — хоть крупицу информации, которая подтвердила бы, что он действовал правильно. Вместо этого он нашёл медицинскую карту. Солдат был призывником, которого списали после тяжё-

лой черепно-мозговой травмы. У него была семья — мать, действительно пекшая блины, и сестра. Его нашли в военном госпитале, идеально чистым листом для экспериментов. Леонид не освободил солдата. Он вернул его к жизни именно в тот момент, когда тому нужна была смерть.

А затем он нашёл то, что искал:

Объект: Артём_K

Статус: наблюдение Категория: первичный потенциал Риск: высокий Комментарий: Проявляет спонтанную биолюминесценцию. Кандидат на изъятие после стабилизации. Подпись: «Три пера»

Леонид сжал кулак. В пальцах замерцал холодный свет.

— Теперь это личное.

Вера стояла в дверях.

— Ты думаешь, он умер за правду?

— Нет, — ответил Леонид. — Он умер, потому что я не дал ему выбора между правдой и забвением. — Голос его был пустым. — Ошибка в методологии. Я лечил симптом, точнее, Обол — искусственное состояние. Но болезнь — система, которая их создаёт. И лечить её в одиночку, одним лишь тонким вмешательством, наивно. Они не играют в наши правила. Они меняют саму доску.

— И что ты предлагаешь? — спросила Вера. — Играть по их правилам? Стать таким же?

— Я предлагаю, — он медленно разжал кулак, — создать такие правила, при которых их игра станет для них смертельной. Они ждут, пока Артём «стабилизируется»? Значит, у нас есть время. Но теперь мы знаем, за чем охотимся. И охота начинается по-настоящему.

Он встал.

— В «Эйдосе» Оболы добавляли. Здесь — вычитают до нуля. А человек, вернувшийся из нуля, не находит обратной дороги.

Он посмотрел на фото Артёма — парень смеялся во дворе, держа телефон.

— Они не просто наблюдают. Они ждут, пока он станет достаточно сильным. Для чего?

Он не знал. Но знал одно: больше он не может ждать.

ГЛАВА 5. ИСКУШЕНИЕ ЕРМАКОВА

После смерти солдата город не успокоился — он зашевелился. Новые вышки NeuroSync вырастали за ночь, как грибы после дождя. Беспилотники с логотипом Santex — компании, чьи офисы никто не видел, но чьи дроны теперь патрулировали дворы, — стали появляться всё чаще. Где-то в подворотнях «социологи» в чёрных куртках спрашивали про «необычных детей».

Леонид ловил их эхо — не мысли, а намерения, острые и безличные, как скальпель. Это уже был не хаотичный шум толпы, а целенаправленный поисковый луч. Система калибровала алгоритмы, учась отличать обычную тревогу от тревоги «потенциала».

С тех пор как в Сети Авиценны появились первые описания — биолюминесценция, спонтанная регенерация, аутоиммунный коллапс — Вера дала им имя: «Эхо-дети». Подростки, чья биология начала резонировать с чем-то, что невозможно было объяснить. Слепые шупальца чужого эксперимента, которые Леонид чувствовал кожей даже через километры бетона и стали. Он чувствовал, как сеть сжимается, и каждый его выход из бункера теперь оставлял в цифровом эфире след, похожий на трещину. Они ещё не знали его в лицо, но уже чувствовали его частоту.

Леонид и Вера почти не разговаривали. Она ухаживала за ним молча. Он сидел у монитора, перебирая фрагменты памяти мёртвого солдата, как будто там можно было найти спасительную инструкцию: «Как не сломать того, кого освобождаешь?»

И тут пришёл звонок в форме текста на зашифрованном канале, оставшемся от «Эйдоса», который Вера считала мёртвым.

«Доктор Панакея. Мы отслеживаем активность NeuroSync и Santex в вашем секторе. Хотите знать, почему? Встретимся. Без записей и без посторонних. Ответ — „да“ или „нет“».

Никакого имени, никаких угроз — только точность.

— Они вышли на нас через «Эйдос», — Вера провела рукой по виску. — Значит, их базы не уничтожены. Значит, Волохов или кто-то из его людей имеет доступ к архивам. Этот Ермаков... он либо охотник, который играет в миротворца, либо миротворец, который вынужден охотиться. В любом случае, он знает нашу старую учётку. Он знает, с чего мы начинали.

— Это не хакер, — продолжала Вера. — Скорее всего, это государство. Или очень хороший актёр.

— Они не знают, зачем охотятся, — ответил Леонид. — Но знают, что охотятся. Это уже что-то.

— Или ловушка, — добавила она. — В нашей ситуации доверие — это когда знаешь, где у партнёра нож, но всё равно садишься за стол.

Он усмехнулся.

— Если это ловушка, пообещай не плакать на моих похоронах. Скажи, что я умер от скуки на совещании по биоэтике.

Она не улыбнулась, но отправила: «Да».

Они встретились в три часа ночи у запасного входа НИИ «Гранит». Тот самый бункер, где они жили, был всего в ста метрах — ирония, от которой у Леонида заныло в груди.

Мужчина стоял один — без охраны, без жетонов. Только чёрный портфель в руке и старый «Яндекс. Телефон» в кармане, будто специально, чтобы не выглядеть как агент. Леонид мгновенно считал его поле. Не мысли — их он бы не пробил, агентов такого уровня учили блокироваться, — а общий контур. Он оказался пустым. Не в смысле отсутствия личности, а как заброшенная комната, из которой вынесли всю мебель. Ни страха, ни любопытства, ни амбиций — только ровная, утомлённая ответственность. Это было даже хуже, чем враждебность. Враждебность можно понять и предсказать. А эта пустота была непредсказуемой, как обрыв.

— Меня зовут Ермаков, — сказал он, не подавая руки. — Я слежу за теми, кто следит за вами.

Голос был ровным, без акцента, без эмоций. Но в глазах читалась усталость человека, который давно перестал верить в простые ответы.

— NeuroSync — проект Пентагона, — продолжил он. — Santex — частная структура с неясными целями, но с доступом к военным технологиям. Они ищут людей вроде вас.

— Вы не знаете, кто я, — сказал Леонид. — Для чего им меня искать?

— Не знаю, — признал Ермаков. — Но вижу: вы — магнит. А в военном деле магниты бывают двух видов: мины и компасы. Я хочу понять, что вы.

«Он ложёт, — мысленно констатировал Леонид. — Не по поводу NeuroSync, а насчёт того, что не знает. Он знает. Возможно, не всё, но достаточно. Его пустота — это экран, на который он проецирует нужную картинку. Сейчас это картинка „заинтересованного нейтрала“».

— И что мы можем предложить? — спросил он вслух, глядя Ермакову прямо в глаза. — Если мы мина — вы нас обезвредите. Если компас — куда мы должны указать, чтобы вас устроило?

— Компас не служит, — парировал Ермаков. — Он просто показывает направление. Мне нужно понять, куда смотрит ваша стрелка. Чтобы решить, стоит ли мне двигаться в ту же сторону.

Ермаков внимательно посмотрел на Леонида.

— Вы знаете Волохова Кирилла Алексеевича? — Глаза Ермакова хитро прищурились.

Леонид почувствовал, как что-то холодное и тяжёлое опустилось у него в животе. Так вот куда отступил «Страж» — не в тень, а под крыло самого мощного института. Не орден «Палимпсест», а Управление «П». Волохов не проиграл — он просто перешёл на следующий уровень игры. Леонид внешне лишь слегка напрягся.

Ермаков улыбнулся на одну щеку и добавил:

— Не буду играть с вами. Он работает на нас. Такая величина в научном мире — и согласился курировать науку в нашем управлении ФСБ. Большая удача. Так он отзывался о вас как о талантливом нейрофизиологе, хоть вам и не повезло с защитой диссертации. Но вы нам нужны. Мы знаем ваш потенциал, как и наши противники за рубежом. Волохов утверждает, что вам как экспериментатору нет равных.

— Очень лестно с его стороны, — Леонид слегка сжал кулаки. — Передавайте ему поклон. Но зачем я вам нужен? Оценивать состояние ваших агентов? Проверять, не делят ли они ваши секреты с кем-то ещё?

— Ну что вы, — Ермаков добродушно рассмеялся. — С этим мы и сами прекрасно справляемся. А вот послушать наших западных «коллег» я бы не отказался. Что они ищут? Зачем вы им нужны на самом деле? Какие у них планы в области контроля сознания? — Ермаков слегка наклонился к Леониду. — Что они для нас готовят? Мы должны знать.

Леонид помолчал, потом осторожно спросил:

— А кого они ещё ищут? Неужели одного меня? — Он отступил от Ермакова на шаг, ловя нужную резонансную частоту.

— Любые аномалии... Всего сказать не могу. Если примете моё предложение, всё узнаете. И даже больше. Все, чем я располагаю, будет в вашем распоряжении. Любые ресурсы.

Леонид продолжал сканировать экран Ермакова, который оставался непроницаемым.

— Мне надо подумать. У меня много вопросов, но если позволите, я задам их позже... Впрочем... Среди тех, кого они ищут... есть подростки? С биолюминесценцией?

Ермаков не удивился.

— Есть списки. Волохов ведёт их как «рискованные генетические отклонения». Но он не говорит, зачем ему это. Я подозреваю утечку. Поэтому с ним не делюсь — как и с вами, пока.

Он открыл портфель и достал небольшое устройство — чёрное, без логотипов.

— «Зеркало-7». Защищённый канал. Только для вас. Если будут вопросы, пишите.

— Мы, в отличие от американцев, не даём обещаний, — добавил он, и впервые в голосе проскользнула лёгкая усмешка. — Мы даём результат. Иногда — с опозданием. Иногда — с избытком. Но всегда — без гарантий.

Леонид взял устройство. Оно было тёплым, как живое.

— Условие?

— Тридцать дней. Не вмешивайтесь в операции по стабилизации аномалов. Это не приказ. Это жест доброй воли.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда я уйду. И вы останетесь один на один с теми, кто уже считает вас угрозой. Непонятно, кстати, почему. Ну да ладно, не буду вас больше мучить. Сами расскажете, я надеюсь. Ведь у нас с вами будет долгое и продолжительное сотрудничество. Мы же в одном окопе. — И Ермаков задорно подмигнул.

Леонид кивнул в ответ.

— Договорились.

Два дня стояла тишина. Потом раздался писк в чате Веры.

«Ковалёв Артём. 16 лет. Москва. Проявления: биоломинесценция в стрессе. Под наблюдением. Статус: стабилен. Рекомендация: не контактировать. Риск провокации».

Ничего лишнего. Ни «изъятия», ни «потенциала» — только холодный отчёт. Леонид перечитал сообщение десятки раз, выискивая скрытые коды, намёки, признаки ловушки. Но там не было ничего, кроме сухих данных. И в этой сухости была своя особая жестокость. Для Ермакова Артём был не живым мальчиком, а строкой в отчёте, объектом с присвоенным номером риска. Эта бюрократическая бесстрастность пугала Леонида больше, чем прямая угроза. Угрозу можно отразить. Бесстрастность нельзя ранить, нельзя разжалобить, нельзя переубедить — она просто выполняет алгоритм.

— Они наблюдают, но не защищают! — вырвалось у Леонида.

— Они не видят в нём человека, — сказала Вера. — Они видят «объект наблюдения». Как и в тебе.

С этого дня он перестал спать. Не от кофеина и не от страха, а от двух шумов, которые слились в один. Ложь системы — теперь он улавливал фальшь в каждом официальном слове, даже в тишине. И страх за Артёма, хотя тот был за километры. *«А если он такой же, как я? Если он уже пытался спасти кого-то... и сломался?»* Эти два шума сливались в звук надвигающейся беды, которую он слышал громче всех, но предотвратить был бессилён.

Ночью лаборатория наполнялась призраками. Он видел солдата, который стоял в углу, молча указывая на него пальцем. Он слышал тихий плач Кати, доносящийся из пустого коридора. Но хуже всего был образ Артёма — не того, что на фото, а того, каким он мог быть: с потухшим взглядом, с руками, залитыми не живым светом, а холодным свечением разряда батареи, в клетке какого-нибудь лабораторного комплекса Santex. Его собственный дар, когда-то бывший источником надежды, теперь превратился в аппарат по производству кошмаров.

Каждую ночь он видел того мальчика из прошлого — ребёнка, которого не спас. Но теперь у этого ребёнка были светящиеся пальцы, как у Артёма.

— Раньше я боялся, что сломаю других, — сказал он однажды Вере, глядя в пустую чашку. — Теперь боюсь, что они станут мной. Прогресс, да?

Она не ответила. Просто поставила рядом новую чашку — тёплую. Он не тронул её.

— Ты не должен торопиться, — сказала Вера на третий день. — Ермаков дал тебе имя. Это больше, чем у NeuroSync. Подожди.

— Время — это то, чего у Артёма нет!

— А если ты его убьёшь, попытаешься спасти? Как того солдата?

Он замер.

— Я не убивал его.

— Нет. Ты дал ему память, против которой у него не было защиты. Это одно и то же. Ты хочешь быть Богом, Лёня, — её голос дрогнул, но не от злости, а от усталости. — Ты хочешь решать, кому жить с памятью, а кому — в неведении. Но ты не Бог. Ты человек, который нашёл очень опасную отвертку. И от того, что ты назвал её «даром», она не перестала быть инструментом, ломающим хрупкие механизмы.

— А что мне делать?! — его голос впервые сорвался на крик, эхом отозвавшись в бетонных стенах. — Смотреть, как они собирают их по одному? Ждать, когда за Артёмом придут? Я не выдержу ещё одного провала, Вера! Лучше сломать его, попытаешься спасти, чем позволить им сделать из него... из него вещь!

Она посмотрела на него — не с гневом и даже не с жалостью, а с подозрением.

— Ты говоришь как Волохов. «Надо спасти». А кто спасёт тебя от самого себя?

Он не ответил. Впервые за всё время он почувствовал: она перестала быть его якорем и стала зеркалом, отражение в котором ему нравилось все меньше.

Он сидел у окна, держа в руках «Зеркало-7». Не писал, не звонил — просто ждал. И в тишине, между ударами собственного сердца, вдруг понял: *«Я не ищу союзников. Мне просто нужно оправдание, чтобы вмешаться».*

Устройство в его руке молчало. Оно было идеальным посредником: передавало запросы, но не передавало намерений. Ермаков, где бы он ни был, сейчас, наверное, видел на своём экране лишь один факт: «Объект „Панакея“ активен, запросов не поступало». И этот вакуум информации был, возможно, более красноречив, чем любая просьба о помощи. Леонид чувствовал себя актёром на сцене, играющим перед пустым залом, в каждом кресле которого сидел невидимый зритель с блокнотом, готовый оценить каждое его движение.

Он вспомнил мальчика из прошлого. Вкус клубники, которой никогда не ел. Смех, который не смог вернуть.

Леонид поднял «Зеркало-7». Палец замер над кнопкой. Можно было написать «Нужны лекарства» или «Есть данные по Santex» — нейтральные, рабочие запросы, которые сохранили бы видимость сотрудничества. Но рука будто сама потянулась к другой кнопке. Он ввел не запрос, а команду, от которой застыла бы кровь в жилах у Веры: *«Предоставьте полное досье на Ковалёва Артёма. Все известные контакты, расписание, модели поведения».*

Он не ждал ответа, а потому отложил устройство. В голове звучал голос Веры: *«Ты говоришь как Волохов».* Но это была ложь. Волохов наблюдал со стороны. Он же — действовал. Это была не сделка с дьяволом, а тактический ход — единственно возможный в данных условиях.

Он ещё не понимал, что именно в этот момент превратил мальчика из цели системы в разменную монету в своей игре с Ермаковым. И что монеты имеют свойство не возвращаться к хозяину.

— Прости, — прошептал он. — Я уже начал терять себя. Но я не потеряю тебя.

На столе стояла чашка чая — остывшая и нетронутая.

ГЛАВА 6. МАНИФЕСТ ПРОМЕТЕЯ

Лаборатория была погружена в глухой, влажный сумрак, какой бывает только в подземельях, где время течёт не по часам, а по тиканью старых серверов. В углу мигал аварийный индикатор — не от тревоги, а просто, потому что забыли заменить лампочку. Леонид сидел перед монитором, как вкопанный: плечи сведены, пальцы лежат на клавиатуре, но не двигаются. На экране — полстраницы текста. Сухого, точного, мёртвого.

«Геном Прометея — не мутация. Это архетипическая программа, заложенная в ДНК. Она активизируется при достижении состояния „кристалла“ — когда сознание становится целостным, а не фрагментарным. Когда в него включается весь геном человека, и он становится, наконец, тем, кем должен быть — хозяином и творцом самого себя. Это не болезнь. Это призыв».

Он перечитал это в третий раз и в третий раз ощутил: это не крик. Это отчёт о вскрытии.

— Так писать можно только в надежде, что твой манифест утвердит какой-нибудь Совет по нормальности. А надо — как будто шепчешь тому, кто боится, что сошёл с ума, — раздался голос за спиной.

Он не обернулся — знал этот шаг, знал этот запах: озон, чай и что-то едва уловимое, как старая бумага. Вера подошла, поставила чашку на стол. Пар уже не шёл. Она знала, что он не будет пить, но всё равно приносила — ритуал, как якорь.

— А надо — как будто шепчешь тому, кто дрожит в ванной, потому что его пальцы светятся, — добавила она, глядя на экран.

Леонид молчал. На ладонях мерцало едва заметное сияние — не от эмоций, а от усталости и перегрузки, от того, что тело пыталось говорить, а он заставлял его молчать.

— Я не знаю, как иначе, — сказал он, наконец.

— Тогда пиши так, как будто это последнее, что ты скажешь миру. Потому что, возможно, так и есть.

Она села рядом, не касаясь, и взяла вторую клавиатуру.

— Давай попробуем иначе, — предложила она. — Не «архетипическая программа», а просто... *зов*.

Он покачал головой.

— Если я смягчу — они не поймут. Это не поэзия, Вера. Это инструкция к спасению.

— А если они не хотят спасаться? — Она повернулась к нему. — Ты же видел Катю. Она выбрала пустоту, потому что боль была сильнее надежды. А сколько таких, у кого боль — хуже смерти?

Он сжал кулаки. Свет в пальцах вспыхнул коротко и остро, как искра.

— Лучше пустая, чем мёртвая.

— Уверен? — её голос стал тише. — А если пустота — это другая смерть? Тихая, незаметная, та, после которой ты ходишь, дышишь, говоришь... но не чувствуешь, что жив?

Он не ответил. Вспомнил мальчика из Калуги — не имя, не лицо, только вкус клубники, которой он никогда не ел, и тишину, которая осталась после криков.

— Я боюсь... — начал он и сам удивился, что слова вышли вслух, — что боль — единственный путь. Синдром Киммерджа... это не ошибка. Это плата за вход.

— «Боль vs Рост», — повторила она почти с улыбкой. — Красиво. Только вот... можно ли стать чем-то большим, не уничтожив себя по дороге?

Он посмотрел на свои руки. Кожа была сухой, почти перламутровой, в суставах слышался едва уловимый хруст. Низкий уровень. Он перенапрягся, но в пределах нормы.

— У меня получилось, — сказал он.

— У тебя — да. Но у них? Ты спас Катю, а она теперь почти пустая оболочка. Ты не убивал, ты всего лишь освободил её, а она всё равно повредила душу.

— Я не знаю, как иначе!

— Может, и не нужно «иначе»? Может, им просто нужно время? Без манифестов, без резонансов, без... тебя?

Он встал резко, стул отъехал с лязгом.

— Время? У них нет времени! Каждый день — это риск, что их заберут, что их «стабилизируют», что их выключат, как лампочку!

— А если они не хотят светить? — спросила она мягко. — А если им хорошо в темноте?

Он замер. В глазах появился не гнев, а ужас.

— Ты говоришь как... как они.

— Нет, — сказала она. — Я говорю как человек, который видит, как ты ломаешь себя, чтобы спасти тех, кто, может быть, и не просил об этом.

Тишина. Только тиканье сервера и далёкий гул вентиляции.

— Я не могу ждать, — прошептал он. — Пока мир решит, готов ли он.

— А если он никогда не будет готов?

Он не ответил. Просто сел обратно и положил руки на клавиатуру.

— Тогда я буду кричать в пустоту. Но кричать буду.

Вера молча встала, подошла к монитору, стёрла первые строки и написала новую фразу: *«Если ваше тело сопротивляется — это не слабость. Это диалог».*

— Вот с этого и начни, — сказала она. — Не как учёный, а как человек, который тоже боится.

Он посмотрел на неё — впервые за долгое время без метода, без контроля, просто как на друга.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Просто... не пиши как для Академии Наук.

Она ушла и оставила холодный чай. Он не тронул его, но начал писать.

Рассвет не пришёл в лабораторию — он просто стал чуть менее чёрным. Леонид не спал. Вера вернулась через час с новой чашкой и молчаливым предложением:

— Продолжим?

Он кивнул.

Они сидели бок о бок, как два хирурга над одним пациентом, — только оперировали не тело, а будущее. Леонид вбивал структуру: «Активация генома Прометея требует состояния резонанса...» Вера стирала и переписывала: «Когда вы достигаете полной тишины внутри — ваше тело начинает отвечать на зов, который слышало миллионы лет...»

— Так они не поймут, — возразил он. — «Тишина» — это не научный термин.

— Зато чувство — да, — парировала она. — Ты хочешь, чтобы они поняли, или чтобы они узнали себя?

Он задумался. Вспомнил, как впервые почувствовал резонанс — не как частоту, а как вкус холодной воды в момент жажды.

— Ладно, — сказал он. — Пусть будет «тишина».

Они работали молча, в ритме, как старая пара, которая давно перестала нуждаться в словах. Только иногда раздавалась реплика:

— Здесь добавь про боль, — сказала Вера, указывая на абзац о синдроме Киммерджа. — Но не как угрозу, а как партнёра.

Леонид кивнул и написал:

«Ваше тело сопротивляется — не потому что сломано, а потому что боится стать чем-то новым. Это — синдром Киммерджа: не катастрофа, а диалог между прошлым и будущим, ведущийся на языке боли».

— Хорошо, — сказала Вера. — А теперь про симптомы — только не списком, а как приглашение.

Он помолчал, вспомнил эхо-детей: дрожь в пальцах, мерцающее зрение, суставы, хрустящие, как снег под ногами.

«Если ваши суставы хрустят, если зрение мерцает, если кожа сохнет, как старая земля, — не пугайтесь. Это не конец. Это новое начало. Подробности — в закрытом чате „Авиценны“. Там нет ответов. Но там — вопросы, достойные вас».

— Отлично, — кивнула Вера. — Теперь про тех, кто мешает. Но не как врагов, а как тень в нас самих.

Леонид задумался. Вспомнил Ермакова: «Мы даём результат. Без гарантий». Вспомнил Волохова: «Стабильность — высшая форма заботы». Написал:

«Есть те, кто строит стены, называя их домом. Кто говорит: „Ты ещё не готов“ — чтобы ты никогда не попробовал. Могущественные силы давно решили за нас: лучшие безопасная тьма, чем рискованный свет».

— Туманно, — сказала Вера. — Но достаточно. Пусть каждый услышит в этом своего отца, учителя, врача... или самого себя.

— А если они решат, что это паранойя? — спросил он.

— Тогда они ещё не наши, — ответила она просто. — Нам нужны не все. Только те, кто уже чувствует искру.

Он кивнул и дописал финал — ту самую фразу, которую она дала ночью:

«Мы не просим вас верить. Мы призываем вас — не бойтесь себя».

Он откинулся на спинку стула. Руки дрожали, но не от усталости, а от надежды.

— Готово, — сказал он.

— Почти, — сказала Вера. — Теперь публикуй. Везде.

Он открыл вкладки: форум биохакеров, канал «Сети Авиценны», бывшие чаты «Эйдоса» и даже комментарии под рекламой NeuroSync. Нажал «отправить». Монитор мигнул.

— Если меня арестуют, — сказал он, пытаясь улыбнуться, — скажи, что я хотел написать роман, а не перевернуть мир. Хотя... может, это одно и то же?

Вера не улыбнулась. Она смотрела на экран, где уже появилось первое уведомление: «Новое сообщение в чате „Авиценны“».

— Ты не перевернёшь мир, Леня, — сказала она тихо. — Ты просто подожжёшь его.

Он не ответил. Он смотрел, как цифра просмотров поползла вверх. И впервые за долгое время поверил, что он не один.

Тишина после публикации была хуже шума.

Леонид сидел у монитора, наблюдая, как цифры растут: двести, пятьсот, тысяча двести просмотров. Люди не просто ставили «лайки», а писали настоящие комментарии. «Я думал, что сошёл с ума». «Мои пальцы светятся — это не галлюцинация?» «Спасибо, что назвали это „геномом Прометея“, а не болезнью». Он улыбался. Впервые за месяцы — по-настоящему.

Вера вошла позже, тихо, на этот раз без чая. Она остановилась у двери, скрестив руки на груди, как будто защищалась от того, что он излучал.

— Ты только что бросил искру в пороховой погреб, — сказала она.

Он обернулся, всё ещё с улыбкой.

— Лучше погреб взорвётся, чем дети будут сгорать в тишине.

— А если взорвётся всё? — Она подошла ближе. — Спасти сотню «эхо-детей» ценой миллиона жизней? Это выбор бога. А ты — не бог.

— А Палимпсест? — Он встал, голос стал резче. — Их «осторожность» — это медленное удушье. Они не спасают человечество, а консервируют его, как музейный экспонат.

— Может, миру и нужен музей? — спросила она. — Может, эволюция — не право, а риск? Ты несёшь огонь. А если он обожжёт тех, кто к нему не готов?

— Тогда они не готовы! — Он сжал кулаки, свет в пальцах вспыхнул. — Но я не имею права ждать, пока они решат, готовы ли они! Ты видела Калугу! Ты видела, что они делают с теми, кто светится!

— Видела, — тихо сказала она. — Но видела и Катю, и солдата, и мальчика, которого ты не спас. Ты даёшь надежду. Но надежда без опоры — это путь в никуда, пропасть.

— Ты боишься, — сказал он.

— Да, — признала она. — Боюсь, что ты станешь тем, кого боятся «Стражи».

Он молчал. Потом вспомнил: у эхо-детей — аутоиммунный коллапс, полный срыв. У него — трещины в коже, временная слепота, дрожь в суставах. Он учится терпеть боль от собственного роста. Они умирают, пытаясь родиться.

— Я не знаю, как иначе, — повторил он, но уже без огня.

— Может, и не нужно «иначе»? — сказала Вера. — Может, им просто нужно время? Без манифестов, без резонансов, без... тебя?

Он не ответил. Просто стоял, глядя в серую пустоту.

— Ты их вдохновил, — сказала она, и каждое слово было похоже на камень, падающий в колодец. — Но вдохновение — это не щит. Это мишень, которую ты нарисовал у них на лбу. Ты зажёл факелы в темноте. А теперь смотри, как все охотники сходятся на этот свет.

Она вышла. Он остался один. На столе стояла чашка чая — остывшая, так и нетронутая.

Через двенадцать часов интернет взорвался. Не метафорически — буквально: серверы «Авиценны» начали падать под наплывом, чаты переполнялись, форум биохакеров мигал, как новогодняя ёлка. Леонид сидел как замороженный, наблюдая, как цифры превращаются в лица.

«Мои суставы хрустят с утра. Я думал, это артрит. Теперь понимаю — это начало».

«Зрение мерцает, когда я злюсь. Боялся сказать врачу. Спасибо, что вы назвали это диалогом, а не болезнью».

«Я не один. Я не сумасшедший. Я — Прометей».

Он смотрел, как цифра просмотров продолжала расти, а вместе с ней — комментарии, выхватывающие самые острые фразы «Манифеста»: «...боль — это не стена, а дверь...», «...ваша биология помнит дорогу к огню...», «...они называют вас больными, потому что боятся здоровых...»

Леонид улыбался. Впервые за месяцы — по-настоящему. Они поняли. Они услышали не инструкцию, а его крик, его зов.

— Мы не одни, — прошептал он.

Вера стояла у двери, но не входила. Только смотрела на экран, и в её глазах не было радости — только тяжёлое предчувствие, как будто она слышала не слова, а звуки шагов за спиной.

Помимо восторженных откликов, в чаты стали вбрасываться и другие сообщения — короткие, безличные, как машинный код: «Распространение деструктивных психопрактик», «Несанкционированные модификации генома», «Призывы к социально опасной активности». Система не просто заметила их — она начала классифицировать и маркировать. Леонид видел эти сообщения, но его мозг, опьянённый волной признания, отфильтровывал их как «шум». Он видел армию, которая росла, но не видел стен, которые вокруг неё уже возводили.

— Ты их вдохновил, — повторила Вера. — Но вдохновение — это не защита. Это мишень. И ответственность.

— Это связь, — возразил он. — Первый резонанс. Настоящий.

В этот момент раздался пик — новое уведомление. Но не в общем чате, а в личном, зашифрованном.

«Прочитал манифест. Вы правы. Я хочу помочь. Имею доступ к архивам „Эйдоса“. Готов приехать».

Подпись: Иван Темников.

Леонид вскочил.

— Первый союзник! Он понял! Он знает про «Эйдос»!

— Или знает, как заманить тебя, — сказала Вера. — Проверь его. Подожди. Используй «Зеркало-7» — спроси у Ермакова.

— Ермаков — часть системы! — Он уже набирал ответ. — А этот — извне. Он прочитал манифест и откликнулся. Это не приманка. Это звезда.

— Звёзды тоже горят, — сказала она. — И иногда сжигают тех, кто к ним тянется.

Он не слушал. Отправил: *«Координаты? Как докажете, что вы из „Эйдоса“?»*

Через минуту пришёл ответ: «Проект „Сборная личность“. Код доступа: Эхо-7. Вы были там. Я — тоже».

Леонид замер. «Эхо-7» — закрытый код, известный только узкому кругу. Тот, кто его знает, действительно был в «Эйдосе».

— Он один из нас, — сказал он.

Он знал, что Вера права. Это могла быть ловушка. Каждая логическая цепочка в его мозгу призывала к осторожности. Но была другая цепь — не логическая, а эмоциональная, та самая, что тянулась к каждому «эхо-ребёнку» в сети. И она кричала: «ДОВЕРЯЙ!» Одиночество было кислотой, разъедавшей его изнутри, и предложение Темникова стало первым глотком воды за долгие месяцы. Он предпочёл рискнуть, чем снова остаться в этой давящей тишине.

И в этом была его ошибка.

Леонид не спал, не ел, даже чай не тронул. Он стоял у карты города, прикрепляя булавку к заброшенному цеху на окраине — тому самому, который Иван Темников указал как точку встречи.

— Он выбрал место, где нет вышек, — говорил он сам себе. — Где нет слежки. Он понимает правила игры.

Вера вошла тихо, не с порога, а сбоку, как будто боялась его напугать.

— Ты уже собрался? — спросила она.

— Уже, — он не обернулся. — У него код «Эхо-7». Никто, кроме «Эйдоса», его не знает.

— Люди теряют пароли. Или продают их.

— Он не продаст.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он прочитал манифест.

Она подошла ближе, встала рядом, смотрела на карту — не на булавку, а на его отражение в стекле.

— Ты его не знаешь, Лена. Ты только хочешь знать. Ты так долго был один... что теперь всякая тень кажется другом.

— А ты? — Он, наконец, повернулся. — Ты тоже тень? Или просто боишься, что я уйду?

— Я боюсь, что ты не вернёшься. — Голос у неё был ровным, но внутри проступила трещина. — Ты не ищешь союзника. Тебе нужно подтверждение, что всё, что ты сделал, правильно. А он тот, кто тебе скажет: «Да». Потому что это то, что ты хочешь услышать.

Он молчал. Потом — почти шёпотом:

— А если это и правда так?

— Тогда ты уже проиграл. Потому что правда — не то, что успокаивает. Правда — это то, что оставляет шрам.

Она взяла его за руку. Кожа была сухой, прохладной, в пальцах мерцало едва заметное сияние.

— Проверь его через «Зеркало-7». Пусть Ермаков прогонит имя по базам. Даже если он из «Эйдоса» — это не значит, что он на твоей стороне.

— Ермаков — часть системы, которая держит их в клетках! — Он вырвал руку. — А этот человек... он слышал зов. Как я.

— Или как Волохов, — сказала она. — Только в маске сочувствия.

Он посмотрел на неё и впервые не увидел усталости — только страх за него.

— Почему ты не веришь в людей? — спросил он.

— Я верю в тебя, — ответила она. — Вот почему мне так страшно.

Он не нашёл, что ответить. Просто взял рюкзак, проверил нейроинтерфейс, убедился, что «Зеркало-7» в кармане. Но отключил его, всё ещё сомневаясь в искренности Ермакова. Мысль о том, что Ермаков может холодно подтвердить: «Темников Иван. Агент Santex. Задание: вербовка», — была невыносима. Он предпочёл рискнуть, чем снова остаться в этой давящей тишине одиночества.

— Я вернусь, — сказал он у двери.

— Вернись живым, — попросила она. — А не как... как тот, кем ты становишься.

Он кивнул и вышел. За дверью воцарилась тишина, потом слышались звуки его шагов по коридору — сначала громкие, потом тише, тише, пока не слились с гулом вентиляции.

Вера не пошла за ним, не закричала. Просто подошла к столу, взяла его рюкзак — тот, что он забыл, — и положила обратно. Затем быстро села за компьютер и написала срочное сообщение в «Сети Авиценны»:

«Внимание всем, кто прочитал „Зов“. Леонид прав. Боль — это путь. Но не каждый может по нему идти. Если вы чувствуете, что не готовы, если боль убивает, а не закаляет — ОСТАНОВИТЕСЬ. Ваша жизнь ценна самой собой. Я, Панакея, остаюсь здесь, в тени, для тех, кто выбрал выживание. Это не слабость. Это иная форма силы».

Потом выключила монитор, потом — свет. Мрачная тишина повисла в воздухе, усиливая и без того тягостное ожидание неизвестности.

ГЛАВА 7. СОВЕТ СТРАЖЕЙ

Зал заседаний в отеле «Beau-Rivage» в Женеве был построен не для красоты, а для незаметного влияния. Стены из матового мрамора поглощали звук, окна из бронированного стекла с поляризацией напоминали подводную лодку, а воздух, прохладный и с лёгким ароматом сандала, маскировал запах пота и адреналина. Кресел здесь было сто два, но занято только девятью три.

На экране над сценой сиял логотип: три пера, вписанных в круг. Под ним висел огромный плакат, рекламирующий лекарство против старения от NeuroSync, со слоганом: *«Вы изучаете старение. Мы его отменяем».*

Совет Стражей собирался здесь каждые три месяца не для принятия решений — решения были приняты задолго до этого. Здесь согласовывали границы влияния, чтобы одни проекты не мешали другим, как провода в одном кабеле. Сегодня всё было иначе. На столах лежали планшеты с повесткой — краткой, как приказ на поражение:

1. «Гиппократ»: аномалии сканирования. Уровень угрозы: ЖЁЛТЫЙ.
2. «Легионер»: рост побочных эффектов. Уровень угрозы: ОРАНЖЕВЫЙ.
3. «Пигмалион»: учащение случаев дезинтеграции личности. Уровень угрозы: ОРАНЖЕВЫЙ.
4. ОБЪЕКТ «ПРОМЕТЕЙ»: неконтролируемая эскалация. Уровень угрозы: КРАСНЫЙ.

Среди собравшихся были банкиры в безупречных костюмах, генералы с медалями, учёные с глазами, уставшими от правды. Все — разные страны, разные языки, но одна цель: сохранить мир таким, каким он есть.

Артур Свифт сидел не на трибуне, а в третьем ряду слева, но все смотрели на него. На его запястье ярко мерцали часы с цифровым циферблатом, на которых иронично отсчитывала частоту цифра 80.0 Гц. Рядом с ним пустовало кресло для Кирилла Волохова. Тот опаздывал, как всегда. Говорили, что он не верил в саммиты — только в лаборатории и личные архивы.

В зале царил тишина. Не столько напряжённая, сколько ожидающая.

Свифт не встал, просто поднял руку — и зал мгновенно затих, будто кто-то срезал звук.

— Всё ещё думаете, что мы продаём сны? — спросил он, и в голосе его прозвучала не насмешка, а лёгкая усталость учителя, объясняющего одно и то же в сотый раз. — Мы продаём стабильность. А стабильность — это когда утром ты не боишься, что твой мозг вдруг начнёт светиться.

Он коснулся планшета, и на экране появилась карта мира с пульсирующими узлами.

— Проект «Гиппократ» — это не клиника, а инфраструктура. Бесплатные ДНК-тесты в аптеках, вышки в каждом районе, аппараты в «здоровых зонах». Мы не лечим — мы слушаем. И то, что мы слышим, идёт вам.

Он сделал паузу и взглянул на Паскаля.

— «Легионер» получает профили устойчивости к стрессу. «Пигмалион» — совместимость личности с Оболами. «Эликсир» — модели сшивания воспоминаний, чтобы восьмидесятилетний чувствовал себя на двадцать пять — без депрессии, без сожалений, без прошлого, которое мешает.

— Мы — операционная система, а вы — приложения, — сказал он почти шутливо. — И пока система работает, вы можете делать что хотите.

Пауза стала тише, почти интимной.

— Однако в последнем квартале в зонах сканирования появились аномалии. Тридцать семь случаев «аутоиммунного нейроколлапса». Все — в точках максимального отклика на частоту 80 Гц. Статистическая корреляция — 99,3 процента. Публично мы называем это совпадением. Но здесь, между нами, давайте признаем: наш сканер не просто находит аномалии,

он их провоцирует. Выявляет слабое звено. И это не баг, господа, а фича. Мы не создаём больных. Мы находим тех, кто сломается при первом же серьёзном стрессе будущего, и изолируем их — красиво, под видом заботы.

Свифт снова коснулся планшета. На экране возникла карта Евразии, усеянная миллионами зелёных точек.

— Проект «Гиппократ» в реальном времени. Каждая точка — человеческая психика. Зелёная — стабильна. Мы видим всё.

Он увеличил изображение до Москвы, где одна точка в районе НИИ «Гранит» пульсировала кроваво-красным.

— А это — слепое пятно. Объект Л. С. Наша система регистрирует его не как личность, а как помеху, как шум, который заглушает сигнал. И этот шум растёт.

— И вот в чём проблема, — продолжил он. — Этот человек не в системе. У него нет вышки, нет теста, никакого внешнего воздействия. Но он входит в 80 Гц сам, стабильно, без коллапса. Он — доказательство того, что всё, что мы строим, может оказаться лишним.

На экране появился логотип Santex: стилизованное сердце из схемы.

— Нам нужны данные от «Пигмалиона». Без них «Гиппократ» — слепая петля. Мы отбрасываем, но не понимаем, почему одни выживают, а другие сгорают.

Он сел, не дожидаясь вопросов. После доклада Свифта в зале повисло лёгкое раздражение. Проблема с аномалиями казалась незначительной технической неполадкой, возможно, простым сбоем аппаратуры.

Следующим поднялся Волохов. Его лицо оставалось бесстрастной маской, но пальцы с такой силой сжали планшет, что подушечки побелели. Он спроецировал в центр зала голографическую модель ДНК, вокруг которой пульсировали странные нерасшифрованные символы.

— Вы говорите о стабильности, господин Свифт, — Волохов говорил приглушённо, придавая словам особую значимость. — А ваш «Гиппократ» фиксирует коллапсы. Вы строите солдат, господин Паскаль, а они сходят с ума. Я пытаюсь собрать новые личности, а они рассыпаются. Знаете почему? Вы пытаетесь достроить собор, используя для фундамента щебень.

Он сделал паузу, как бы бросая вызов молчанию.

— Я три года вёл протокол. Не просто наблюдения, а испытаний. Единственный успешный — объект Л. С. Он не аномалия, а образец. И я сейчас докажу, что ваш бизнес стоит на пороге краха, пока вы не получите к нему доступ.

В этот момент модель ДНК взорвалась, и на её месте возникли три чётких блока данных.

— Судите сами. Вот что объект умеет сейчас. Оптимизация, уровень реализованный.

Сверхконцентрация: недели без сна с пиковой когнитивной активностью. Ваши лучшие ноотропы, господин Свифт, дают семьдесят два часа с последующей двухдневной комой. Его метаболизм — перпетуум-мобиле сознания. Представьте аналитиков, которые не спят, торговых роботов из плоти, пилотов, для которых дальний перелёт — разминка.

Ускоренная регенерация: сквозное пулевое ранение заживает за шесть часов, ожог третьей степени — за двенадцать. Ваши «Легионеры», господин Паскаль, выходят из строя на месяцы. Его тело — это самовосстанавливающееся оружие. Мы сокращаем потери на девяносто процентов — не в деньгах, а в человеческом материале, который вы так цените.

Эмоциональный иммунитет: полная невосприимчивость к Оболам подавления, страха, сомнения. Он — чистый оператор. Ваш идеальный, абсолютно лояльный агент, которого невозможно сломать — ни пытками, ни технологиями.

Зал оживился. Даже генерал Паскаль, вечно хмурый и недовольный, перестал смотреть в потолок.

— Вы считаете это ценным? — Волохов слегка повысил голос. — Это цветочки. Это то, что его тело делает само, чтобы выжить в нашем грубом мире. Теперь посмотрите на основной процесс.

Голограмма изобразила схематичное человеческое тело, охваченное внутренней бурей.

— Особо важный момент — Синдром Киммерджа, — Волохов указал пальцем на голограмму. — Он — ключ ко всему. Без него невозможно продвинуться дальше — мы просто будем терять людей.

Он продолжил:

— Надеюсь, все знакомы с его сутью. Простыми словами, это когда иммунная система отторгает какие-то участки тела, считая их чужеродными, болезнью. Но это не какой-то сбой, не болезнь и не побочный эффект. Синдром Киммерджа — это диалог. Диалог между устаревшей биологической формой и тем, во что она пытается превратиться. Иммунная система атакует не тело — она атакует будущее, которое считает чужеродным. 99,9 процента носителей спящего Генома умирают, потому что их система отказывается вести переговоры. Их тело убивает себя от страха перед преобразованием. Но тело нашего объекта ведёт переговоры и побеждает.

Волохов увеличил схему, показывая, как хаотичные сигналы организуются в упорядоченный паттерн.

— Л.С. не подавляет синдром. Он его возглавляет. И это даёт нам доступ к следующему уровню.

На экране возникла динамическая модель: хаотичный вихрь иммунных клеток атаковал сияющее ядро — условный «Геном Прометея».

— Так выглядит смерть 99,9 процента носителей. Их система уничтожает будущее.

Модель сменилась. Те же иммунные клетки теперь выстраивались в сложную упорядоченную структуру вокруг ядра, образуя новый стабильный паттерн.

— А так ведёт себя его тело. Он не воюет — он заключает союз. Это и есть контролируемый Синдром Киммерджа. Не болезнь, а настоящая алхимия.

— И наконец, экстраполяция данных открывает нам следующий эволюционный горизонт. — Волохов слегка улыбнулся, предвкушая реакцию на свою интригу. — Пересборка. Теоретический предел. На основе анализа его биологии и тех мутаций, которые ему удалось стабилизировать, мы можем экстраполировать дальнейшее развитие. Это не фантастика — таков инженерный прогноз.

Тактильная телепатия: считывание не мыслей, а биополей. Вы не сможете солгать человеку, который видит вашу неправду в свечении вашей кожи. Идеальный следователь, несбыточная мечта любого правительства.

Биологический хамелеон: добровольное введение себя в состояние анабиоза, изменение метаболизма для жизни в вакууме, под давлением, в радиации. Ваши проекты по колонизации, господа, больше не нуждаются в миллиардных скафандрах. Человеческое тело само станет скафандром.

Контролируемый распад: самое ценное. На несколько секунд его тело может «рассогласоваться» с нашей реальностью — пройти сквозь стену, стать невидимым для любых датчиков. Невидимый солдат, которого нельзя обнаружить и нельзя убить. Абсолютный шпионаж, абсолютное оружие.

Волохов намеренно сделал паузу, чтобы насладиться реакцией всё более изумлённых членов Совета.

— И всё это — не благодаря нашим Оболам, а вопреки им. Его метод — это ключ, который открывает эволюцию без отторжения, без смерти, без безумия. А сейчас он опубликовал Манифест. Он не просто прячется — он учит. Он создаёт свою сеть. И каждый новый «эхо-ребёнок», каждая аномалия, как вы их называете, которая выживет благодаря его методике, — это ещё один незарегистрированный актив, вышедший из-под нашего контроля. Вопрос не в том, опасен ли он. Вопрос в том, готовы ли вы позволить единственному человеку, который держит в руках инструкцию по сборке будущего, раздать её копии первому встречному, пока

мы пытаемся продавать им наши кривые поделки? Он — библиотекарь, который нашёл единственную уцелевшую книгу с чертежами вечного двигателя. И он решил не продавать её нам, а читать вслух на городской площади.

Волохов умолк и позволил информации овладеть сидящими «Стражами» в полной мере. По залу пронеслись громкие восклицания, кто-то даже крикнул «Браво!». Несколько человек открыто выражали скепсис, обвиняя Волохова в попытке выжать больше ресурсов.

Он подождал, пока зал стих, и сменил слайд. На экране всплыла схема ИИ «Пигмалиона», пытающегося «сшивать» искусственные личности, и рядом — целостная психическая матрица Л.С.

— Вот ответ, почему наш «Пигмалион» терпит неудачу. Мы пытаемся собрать целое из частей. Но наши Обоы всё ещё нуждаются в серьёзной доработке — иначе мы начнём терять клиентов, побочные эффекты зашкаливают. А метод Л.С. показывает, что устойчивая личность — это не сборка, а резонанс. Это тот самый диалог, который он ведёт со своим телом, но перенесённый на уровень сознания. Его геном, его психика, его воля находятся в состоянии абсолютного резонанса. Он — прототип личности будущего. И пока мы не поймём принципы этой целостности, мы будем и дальше собирать карточные домики, которые рушатся от первого дуновения ветра.

Он выключил проектор. Зал замер в полнейшем ступоре.

— Вы хотите солдата, который не сломается? — Волохов посмотрел в сторону Паскаля и Свифта. — Светлов — эталон психической устойчивости. Вы хотите клиента, который будет жить вечно? Его биология — инструкция по контролируемой регенерации. А я хочу понять принцип целостности, чтобы, наконец, создавать стабильные личности, а не их жалкие пародии. Светлов — ключ ко всему. Вы можете забрать его, и через год ваши проекты получают то, о чём вы сейчас можете только мечтать. Или вы можете ждать, и через год он создаст армию, против которой ваши «Легионеры» будут выглядеть как дети с деревянными мечами. Выбор за вами.

Волохов вернулся на своё место. И теперь воздух в зале запах не сандалом, а жадностью и страхом.

Генерал Ив Паскаль встал так резко, что его кресло откатилось с грохотом.

— Интеграция? Контроль? — его голос прозвучал как удар хлыста. — Я слушаю полчаса про «алхимию» и «резонанс», а вижу лишь одно: вы боитесь испачкать руки, господин Волохов. Пока вы будете заманивать его в свою «контролируемую среду», он успеет заразить пол-Москвы. «Легионеру» не нужны ваши теории. Нам нужен образец. Живой или мёртвый. Остальное — биомусор, который мои люди утилизируют.

— Проект «Легионер» — не просто эксперимент, — сказал он. — Это ответ. Ответ на хаос, на террор, на тех, кто думает, что мир — место для игр. Но у нас с ним проблем не меньше.

Он не стал показывать слайды. Просто назвал цифры:

— Двенадцать процентов смертности от «эффекта отскока» после применения Обоов «хладнокровие», «безразличие», «безудержная храбрость» и других. Тридцать четыре процента — психозы после третьего цикла Обоов. Восемьдесят девять процентов — полная утрата социальных связей к концу службы.

— Мы делаем из людей оружие, — сказал он. — Но оружие не должно ржаветь изнутри. Он сделал паузу, посмотрел прямо на Волохова.

— Ваши Обоы — хороший инструмент. Но инструмент ломает руку, если им пользоваться неправильно. А я не могу позволить, чтобы мои солдаты ломались в бою.

Затем повернулся к залу:

— Если Светлов хотя бы на четверть так хорош, как его описал уважаемый Кирилл Алексеевич, то он нам нужен. Он входит в состояние полной концентрации без Обоов, без химии,

без стимуляторов. Он не боится, не дрожит, не сходит с ума. И самое главное: он контролирует Синдром Киммерджа, за которым у обычного человека наступает мучительная смерть. Не подавляет, а именно контролирует. Это значит, что его тело не рушится под нагрузкой, а становится сильнее.

Паскаль сделал шаг вперёд. Его взгляд был как луч лазера.

— Представьте солдата, который видит в темноте, заживляет раны за часы, входит в любую зону без страха — и при этом помнит, за что он сражается. Это не мечта. Это реальность. И она ходит по Москве под именем Леонид Светлов.

Он остановился.

— Я требую разрешения на его немедленное изъятие. Но не просто для изучения, а для внедрения. Если вы ждёте, пока он сам придёт к вам с просьбой о сотрудничестве, — добавил он с лёгкой издёвкой, — вы будете ждать до тех пор, пока он не создаст армию таких, как он.

Затем он сел — без поклона, без слов «вопросы есть?».

Волохов скептически посмотрел на Паскаля и, не вставая, негромко произнёс:

— Я предлагаю не изъятие. Тем более что Светлов живёт в Москве и находится под наблюдением ФСБ. Нам не нужны лишние проблемы. Мы решим всё иначе. Положитесь на меня — у меня есть прекрасный план. Я предлагаю контролируемую интеграцию. Он будет работать с нами под надзором, в условиях, где его метод не станет вирусом, а останется инструментом.

Он откинулся в кресле и больше не смотрел на зал. Он уже принял решение.

Председатель Совета поднял руку. Голос его был нейтрален, как интерфейс искусственного интеллекта:

— Предлагается решение: «Нулевой пациент Леонид Светлов — под наблюдение. Контакт — через мягкие каналы. Цель — вербовка на условиях сотрудничества. При отказе — передача дела „Легионеру“ для изъятия».

Зал кивнул — не единогласно, но достаточно. Формальность была соблюдена. Теперь каждый мог действовать в рамках этого «решения».

Свифт улыбнулся. Его пальцы привычным жестом потянулись к запястью, к часам, показывающим 80 Гц. Он думал: «Десять миллионов за курс, пять тысяч за тест, миллионы пользователей. Его ДНК — это патент на будущее. Оценка — двадцать пять-тридцать миллиардов только на вакцинах „Эликсира“. Цена покупки — любая».

Он не сомневался, что Леонида можно купить. Вряд ли деньгами, но обещанием: «Ты хочешь спасти тех, кто пошёл за тобой? У нас есть лаборатории, ресурсы, доступ к каждому, кто светится. Просто подпиши — и ты станешь их богом». Он уже представлял переговоры: тихий кабинет, чай, экран с лицами детей и один вопрос: «Ты веришь в хаос или в порядок, который спасает?»

Свифт подошёл к Волохову в кулуарах.

— Вы будете продавать его ДНК, пока он не умрёт, спасая тех, кого вы называли «погрешностью», — сказал Волохов, не глядя на него.

Свифт усмехнулся:

— А вы будете стирать мир, пока не сотрёте самих себя.

Но в голосе слышалась не насмешка, а предупреждение. Потому что оба знали: они вышли на охоту. И в ней Леонид стал уже не человеком, а трофеем.

Свифт повернулся к Волохову.

— Ваш ход, Кирилл. Вы лучше всех знаете наши российские активы. Соорудите для него ловушку, как вы умеете. Наш агент «Темников» уже вышел на контакт. Осталось лишь завести образец в нужную клетку. Можете использовать связи с Santex для дискредитации.

ГЛАВА 8. ЗНАКОМСТВО С АРТЁМОМ

Леонид нашёл его случайно. Не в архивах, не в аналитике, а в отходах. «Сеть Авиценны» хранила не только запросы, но и удалённые посты — те, что пользователи стирали из страха, стыда или надежды, что проблема исчезнет сама собой. Вера настроила сканер на ключевые слова: «свет», «пальцы», «странно», «боюсь». И в потоке мусора всплыл один — короткий, дрожащий, почти детский комментарий:

«У кого-нибудь пальцы светятся, когда нервничаешь? Не шучу. Это очень страшно».

Автор: Артём_К. Дата: 14 февраля. Статус: удалён через три часа.

Леонид перечитал это пять раз. Он услышал здесь не данные, а крик.

— Это он, — сказал он Вере. — Тот, чью музыку я слышал в метро.

— Ты не можешь знать, — возразила она, но голос дрогнул.

— Могу. Потому что это не вопрос, а молитва.

Они запустили геолокацию — не точную, а по метаданным, узлам подключения и времени публикации. Алгоритм выдал несколько зон вероятности, и одна из них совпала с заброшенным цехом на окраине, тем самым, что мелькал в досье Ермакова как «место аномальной активности».

— Там пусто, — сказала Вера. — Нет вышек, нет связи, нет выхода.

— Зато никто не услышит, как он плачет, — ответил Леонид.

Он не думал о методах, не строил гипотез. Он просто чувствовал: этот мальчик — не очередной «эхо-ребёнок». Он был ответом на вопрос, который Леонид задавал себе с тех пор, как не спас того, первого.

Вера долго молчала, потом произнесла почти шёпотом:

— Ты не просто хочешь его спасти. Ты хочешь доказать себе, что не зря сломал Катю.

Он не ответил, но кивнул. Тогда она улыбнулась — впервые за месяцы по-настоящему.

— Если ты покажешь ему, что он не один... может быть, мы остановим следующий коллапс, — сказала Вера.

Он не ответил сразу. Потом тихо:

— Я никогда не слышал, как звучит свет.

Он посмотрел на свои руки. Они не светились, но внутри что-то откликнулось. *«Он может быть мной, — подумал он. — Но без слома, без пустоты. И если я это докажу... может быть, я прощу себя за того, первого».*

Они вышли на связь через «мост» — защищённый канал внутри «Сети Авиценны», созданный так, чтобы его нельзя было отследить по IP или частоте. Экран мигнул, и в центре появилось уставшее и напряжённое лицо Артёма. Он выглядел как простой подросток с тёмными кругами под глазами, сидящий на ржавой кровати в заброшенном цехе. За спиной — ободранные стены, провода, сломанный станок. В руках — потрёпанный синтезатор.

— Привет, — сказал он, и голос дрожал, будто каждое слово давалось с боем.

— Привет, Артём, — ответил Леонид. — Мы... мы тебя нашли.

Мальчик кивнул, не улыбнулся. Просто посмотрел — и в этом взгляде была вся его боль, всё одиночество, вся надежда.

— Сначала я хотел бы убедиться, что вы — это вы, — Артём тревожно смотрел в экран. — Можете доказать, что вы... не они?

Леонид и Вера переглянулись.

— Как же нам это сделать? — спросила Вера, и её брови поползли вверх от неожиданности.

— Я знаю, — воскликнул Леонид. Он начал напевать ту мелодию, которую слышал в метро. — Тебе это о чём-то говорит?

— Да, конечно, — негромко произнёс Артём. — Только со слухом у вас небольшие проблемы.

И он улыбнулся одними кончиками губ. Наконец его спина округлилась, лицо расслабилось, и он спросил:

— Вы... вы тоже? У вас тоже... светятся?

— Да, — сказал Леонид. — Но не так, как у тебя.

— Как?

— У меня — от контроля. А у тебя — от музыки. Я слышал её в метро. Ты играл «Звезду над пустыней»?

Артём замер, потом едва заметно кивнул.

— Это моя... моя первая. Я сочинил её, когда начал бояться. Чтобы... чтобы свет не был страшным.

Он замолчал, потом тише:

— Иногда, когда я играю, пальцы начинают светиться. Особенно когда волнуюсь. Но потом страх уходит, и свет исчезает. Меня это всегда пугает. Что, если кто-то увидит и подумает, что я... ненормальный?

— Ты не ненормальный, — сказал Леонид. — Ты — переводчик. Ты переводишь звук в свет. Это... красиво.

Артём моргнул быстро, как будто пытался удержать слёзы.

— Никто так не говорил.

— Потому что никто не слушал, — сказала Вера, впервые вмешавшись. — А мы слушаем. Он посмотрел на неё, потом на Леонида.

— Вы... вы можете научить меня? Чтобы я не боялся?

— Нет, — ответил Леонид. — Я не научу тебя. Я помогу тебе научиться самому.

Он не стал говорить о «слоях», о «белом шуме», о «протоколах». Он просто сказал:

— Ты уже знаешь, как это делать. Твоя музыка — и есть твой щит.

Артём медленно поднял руку. Пальцы дрожали. Потом они засветились — не ярко, не пугающе, а тонкой золотистой нитью, как нота, превращённая в свет.

— Вот, — прошептал он. — Я... я не боюсь.

Леонид не улыбнулся, но в его глазах появилось то, чего не было годами — надежда.

— Ты не один, — сказал он. — И никогда не будешь.

На экране Артём улыбнулся — впервые за долгое время по-настоящему.

После звонка в лаборатории повисла тишина. Не давящая, а та, что позволяет передохнуть. Вера молча налила два стакана воды и протянула один Леониду.

— Ты не ошибся, — сказала она. — Он не «эхо-ребёнок». Он — послание.

Леонид кивнул. Он взял стакан, но не пил, просто держал.

— Я боюсь, — сказал он. — Не за него. За себя. У него нет опасных симптомов Киммерджа, нет аутоиммунных атак. Его свет — не симптом борьбы, а побочный продукт творчества. Его тело не воюет с даром, оно резонирует с ним через искусство. Это другой путь. Может быть, единственный безопасный. Но если я ошибусь... он станет следующим мёртвым голосом в моей голове.

— Ты не ошибёшься, — сказала Вера. — Потому что на этот раз ты не спасаешь. Ты соединяешься с ним.

Он посмотрел на неё — впервые за долгое время без анализа, без фильтров, просто как человек.

— Ты в это веришь?

— Верю, — ответила она. — Мы должны его спасти. Ты должен справиться. Я в тебя верю.

Эти слова значили для него больше, чем любая победа. Они были его точкой опоры.

— Если я покажу ему, как строить щит... он сможет жить. Нормально. Как все.

— Не как все, — возразила Вера. — А как он сам. Без страха и без маски.

Они помолчали. Наконец Леонид сказал:

— Нужно встретиться. Лично.

— Но там пусто. Нет связи, нет выхода, — напредила она.

— Идеальное место, чтобы бесследно исчезнуть, — сказал он.

Она кивнула.

— Тогда мы идём вместе.

— Ты не обязана...

— Я хочу, — перебила она. — Вместе мы способны на большее.

Он усмехнулся.

— Если он захочет, чтобы я стал его дирижёром, обещаю, что не уйдёшь.

— Ты даже посуду не можешь помыть без резонанса, — сказала она, улыбаясь. — Что ты будешь делать с симфонией?

Они посмотрели друг на друга и поняли, что решение принято окончательно. Они обрели уверенность не только как учёные, но и как люди, которые не собирались сдаваться.

На следующий день Артём написал в защищённый чат:

«Я жду вас в цеху „Промсвязь“, сектор 7. Вход с северной стороны. Там тихо. И... спасибо, что не оставили меня».

Леонид читал сообщение снова и снова — и каждый раз за простыми словами видел тень, которую не мог назвать, но знал: она там, ждёт.

— Там пусто, — сказал он Вере. — Выглядит подозрительно. Нет вышек, нет связи, нет выхода. Если что-то пойдёт не так... никто не услышит.

— Он боится, что его отследят, — возразила она. — Это его укрытие. Не похоже на ловушку.

— А если ловушка не от него? — спросил Леонид.

Он вспомнил солдата, Катю, мальчика из прошлого. Каждый раз он думал, что спасает. Каждый раз оставлял за собой тень.

— Я не могу рисковать им, — сказал он.

— Ты уже рискуешь, — ответила Вера. — Своим молчанием. Если ты не придёшь, он решит, что и ты бросил его. И тогда... он исчезнет навсегда.

Он замолчал, потом тихо произнёс:

— В этот раз будет иначе.

Он открыл шкаф, проверил нейроинтерфейс. Заряжая «Зеркало-7», увидел новое сообщение — не запрос, а сухую справку, пришедшую не в ответ на его запрос, а инициативно:

«Перехват. Канал „Авиценна-закрытый“. Контакт: Иван Темников. Справка: сотрудник „Эйдоса“, уволен с позором. В деле № X-12 проходит как осведомитель Santex по вопросам биоматериалов. Код „Эхо-7“ — из списка скомпрометированных при ликвидации лаборатории. Рекомендация: контакт исключён. Канал считается утечкой».

Леонид похолодел. Он смотрел не на данные о Темникове, а на первые два слова: «Перехват. Канал „Авиценна-закрытый“». Значит, «Авиценна» — не убежище. Она стеклянная. Каждое его слово, каждый крик о помощи Артёма, каждый шёпот Веры — всё это текло по проводам, которые вели напрямик в этот безликий чат Ермакова. Ловушка захлопнулась, даже не успев его задеть. Но теперь он знал: он разговаривает в комнате, полной микрофонов. И это знание было хуже любой явной угрозы.

«С Артёмом должно быть иначе. Ермаков не должен знать, — подумал он. — Это — между нами».

И он отключил аппарат. В дневнике он написал:

«Протокол: попытка соединения, а не спасения.

Цель — не контроль, а резонанс».

Потом закрыл ноутбук и посмотрел на Веру.

— Ты уверена?

— Уверена, — сказала она. — Потому что на этот раз мы идём вместе.

Он кивнул. И впервые за долгое время поверил, что это не ошибка.

Ночью Леонид проснулся от холода внутри себя — как будто его тело забыло, как сохранять тепло. Он сел на кровати. В темноте мерцал только аварийный индикатор. И кошмар, который не отпускал: он стоял в цеху, а Артём — на коленях, с пальцами, пылающими, как угли. И он не вмешивался. Потому что «метод требует наблюдения», потому что «цена необходима», потому что он уже был Волоховым.

Он встал, прошёл в коридор. Вера сидела у двери, обхватив колени, не спала.

— Ты знала, что я выйду? — удивленно спросил он.

— Знала, — ответила она, не поднимая глаз. — Потому что ты всегда выходишь, когда боишься.

Он присел рядом. Долго молчал.

— А если я снова сломаю того, кого хочу спасти?

— Тогда мы починим, — сказала она. — Вдвоём.

Он посмотрел на свои руки — они горели ровным, уверенным светом.

Это был последний раз, когда он чувствовал себя целым.

— Мы идём завтра утром, — сказал он.

— Идём, — кивнула она.

Они не пожелали друг другу удачи, не сказали «береги себя». Просто встали и пошли к двери, за которой была неизвестность, способная всё изменить.

За их спинами молчала лаборатория.

А в трёх точках мира три экрана одновременно мигнули:

«Цель покинула укрытие. Координаты: цех „Промсвязь“, сектор 7».

Но никто не двигался. Все ждали, когда он совершит ошибку.

ГЛАВА 9. НАКАНУНЕ

Кабинет Ермакова пах бумагой, кофе и лёгкой усталостью человека, который давно перестал верить в «прорывы». Волохов вошёл с папкой в руках и лёгкой улыбкой учёного, возвращающегося с конференции.

— Женева, — сказал он, кладя папку на стол. — Симпозиум по геронтологии. Мои Обола для пожилых — в финале премии «Золотая осень». Город, конечно, сказочный. Воздух — как лекарство. А обеды... рекомендую, если у вас будет шанс.

Ермаков чуть усмехнулся.

— У ФСБ свои курорты. Там воздух из фильтров, а обеды — по норме. Но зато без сюрпризов.

Его пальцы постукивали по краю планшета, где мелькали отчёты: «Агент „Легионер-12“ — временная амнезия после третьего цикла... Агент „Пигмалион-7“ — депрессия, потеря связи с реальностью...» Он кивнул на планшет.

— Ваши «Золотые осени» спят спокойно, — сказал он. — А мои агенты — нет. Один неделю думал, что он голубь. Другой выстрелил в напарника, приняв его за террориста. Это не боевая готовность, а цирк какой-то.

Волохов не смутился. Он подошёл к окну, глянул на серое небо.

— Потому что вы строите солдата из обломков. А им нужна цельная конструкция. Но нашему ИИ пока ещё слишком далеко до таких высот. Правда, есть один человек, который сумел достичь такого состояния сознания, когда перед ним открываются невероятные возможности. Он назвал это состояние «кристаллом» и утверждает, что знает методику, как достичь его любому. — Волохов слегка прищурился. — Даже вашим агентам.

Ермаков поднял глаза.

— Леонид Светлов?

— Он. Его тело не боится будущего изменения. Оно с ним в резонансе. Неделями без сна, эмоциональный иммунитет, считывание намерений по био полям, регенерация за часы. И самое главное — он достиг этого сам, без Обола. Представьте агента, который не сломается под пыткой, который увидит ложь в свечении кожи, который всегда будет верен присяге — не потому что его запрограммировали, а потому что он сделал свой выбор.

Ермаков молчал, изучая Волохова, как неопознанный образец. Потом поставил бутылку на стол с глухим стуком.

— Вы описываете идеального агента. У меня же в отчётах — инвалиды и психопаты. Разрыв между вашими сказками и моей реальностью — пропасть.

— Это не сказка, — парировал Волохов. — Это отчёт по наблюдению.

— Наблюдение — не внедрение, — отрезал Ермаков. — Ваш «Кристалл» — гипотеза. Мои операции — факты. Вы хотите доступа? Получите его, только когда он сам окажется в ситуации, где ему понадобится наша крыша. А не ваши лаборатории. До тех пор — наблюдайте. И если будет шум... вы знаете, кто станет «технической неполадкой» в моих сводках.

Волохов кивнул и ушёл.

В лифте он открыл планшет. На экране — уведомление из оперативного канала ФСБ: *«Объект „Кристалл“ (Л.С.) покинул укрытие. Координаты: цех „Промсвязь“, сектор 7. В сопровождении В.Т.»*

Он не удивился — он давно ждал этого. Но не знал, когда именно произойдёт движение. И вот, наконец, оно случилось. «Они уже дали ему имя, — подумал он. — Ну что ж, посмотрим, чем это закончится».

Он просто наблюдал и надеялся на ошибку. Потому что лучшая ловушка — та, в которую человек идёт сам.

Утро в цеху пахло пылью, ржавчиной и — странно — свежестью. Как будто стены помнили, что когда-то здесь создавали, а не скрывались. Артём уже ждал у станка. На этот раз он не дрожал, просто сидел, глядя на свои руки, как на что-то незнакомое, но своё.

— Привет, — сказал он, и в голосе звучал не страх, а вопрос.

— Привет, — ответил Леонид. — Готов?

— Не знаю, — честно признал мальчик. — Я пытался просто не думать. Но как только ловлю себя на мысли — всё исчезает.

— Ты не должен думать, — сказал Леонид. — Ты должен слушать. Что ты чувствуешь, когда светишься?

Артём закрыл глаза.

— Как будто... я — радио. И где-то играет музыка. Я не знаю, откуда она. Но если я её ловлю — пальцы начинают светиться. Не от страха, а от... связи.

Леонид улыбнулся.

— Тогда ты не сломан. Ты — приёмник. И твоя задача — не выключить приём, а настроить частоту.

Он сел рядом.

— Забудь про «слои». Забудь про «шум». Просто представь, что в голове работает вентилятор. Ровный, нудный. Он не гасит музыку — он делает её фоном.

Артём кивнул и попробовал. Сначала ничего не получалось, потом появилась тревога. В пальцах задрожал свет.

— Не получается...

— Не борись, — сказал Леонид. — Пусть дрожь будет. Просто не хватайся за неё.

Мальчик вдохнул глубже, медленнее. И вдруг появился свет — тонкий, золотистый, как нить. Но не как вспышка, а как волна.

— Вот, — прошептал он. — Я... я не боюсь.

— Потому что ты не один, — сказал Леонид. — И никогда не был.

Он смотрел, как Артём улыбается — впервые за месяцы, — и внутри у него что-то откликнулось, будто его собственное тело вспомнило, зачем оно светится.

После урока Артём молча подошёл к ржавому станку, на котором лежал старый синтезатор с потёртыми клавишами. Он сел, поправил наушники и коснулся клавиш. Сначала была тишина, потом нота — чистая, как родниковая вода. За ней вторая, третья... Мелодия собиралась медленно, как утренний свет в разбитом окне.

Леонид не шевелился. Не анализировал частоту, не считал амплитуду. Он просто слушал. В пальцах Артёма пульсировал свет — тонкая золотистая нить, живущая в такт нотам.

— Это... для тебя, — сказал мальчик, не отрываясь от клавиш. — Я назвал её «Первый контакт».

Вера стояла у стены. Вдруг у неё накатились слёзы — от красоты, которую она забыла, как чувствовать.

— Ты не просто спасаешь его, — сказала она Леониду. — Ты возвращаешь миру то, что он потерял.

Он не ответил. Потому что впервые за годы он не думал о своём методе. Он лишь чувствовал, как музыка и свет сливались в один резонанс, как его собственное тело откликалось, как боль уступала место чему-то похожему на покой.

«Волохов ищет инструкцию, которую можно вишить в Обол, — подумал Леонид. — Но „кристалл“ — это не программа. Это песня, которую нужно услышать и пропеть самому. Артём слышал её всегда. Его просто нужно было научить не бояться собственного голоса».

Он смотрел на мальчика, на то, как дрожат его пальцы над клавишами, на свет, пульсирующий под кожей в такт нотам.

«Протокол...» — начал внутренний голос, но Леонид оборвал его. Не надо протокола. Просто смотри. Просто слушай.

— Ты не один, — сказал он вслух.

Артём поднял глаза. В них было столько боли, что у Леонида перехватило горло. *«Он такой же, как я. Хотя нет, он другой. Он ещё может улыбаться».*

— И никогда не будешь, — добавил он.

Когда мелодия закончилась, Артём поднял глаза.

— Завтра я хочу попробовать сам. Без тебя рядом.

Леонид задумался на мгновение.

— Ты готов.

Он кивнул, и этот кивок был лёгким, почти невесомым — как будто с его плеч свалился груз всех прошлых провалов. Он не видел, как в углу цеха, в тени сломанного станка, слабо мигнул крошечный светодиод, не замеченный при первом осмотре.

Но сейчас звучала нежнейшая музыка — как яркий белый свет, как надежда. И это было прекрасно.

Вернувшись в подземелье «Гранита» после урока, они молчали. Успех был осязаем, но в нём же таилась новая, более тонкая угроза.

Ночью сон не шёл к Леониду. Внутри было слишком тихо — та самая тишина, что бывает после того, как перестаёшь верить в собственные сомнения, но ещё не научился им доверять. Он сидел у окна, глядя, как чёрный двор поглощает даже отблески фонарей. В груди ощущалось не тревога, а ожидание — будто его тело уже знало: завтрашний день решит всё.

Вера вошла без стука и села рядом, не касаясь. Она знала: если заговорить первой, он снова спрячется за метод, за протокол, за роль того, кто всегда прав.

— Ты думаешь, я ошибаюсь? — спросил он, не глядя на неё.

— Думаю, ты боишься, — ответила она. — И это правильно.

Он молчал. Пальцы слегка дрожали — но не от усталости, а от того, что внутри что-то натягивалось, как струна перед первой нотой.

— С Катей я строил стену как защиту, — сказал он, — чтобы боль не проходила. Но у Артёма не стена нужна — у него должно быть окно. Он не хочет закрыться. Он хочет выпустить музыку и выпустить свет.

— Ты изменил подход, — сказала Вера.

— Не только подход, но и понимание. Раньше я думал: если убрать шум — останется человек. Теперь вижу: если убрать шум — останется пустота. А Артём... он не прячется от звука. Он переводит его.

Он повернулся к ней. В глазах застыл вопрос, который он боялся задать даже себе.

— А если его тело не выдержит? Если он станет... как тот солдат?

— Ты же не заставляешь его, — сказала она. — Ты просто идёшь рядом. Это не то же самое.

— А если этого недостаточно? Что, если ему нужна подготовка, гораздо более длительная, чем другим?

Она протянула руку. Он не взял её, но не отстранился.

— Ты справишься. Ты уже вывел его в резонанс. Завтра вы закрепите. Если это сработает, это будет не просто твой успех. Это докажет: метод — не клетка. Он станет мостом для всех, по которому смогут пройти остальные.

— Я чувствую, что на этот раз всё будет иначе, — сказал он.

— Потому что на этот раз ты не спасаешь, — ответила она. — Повторяю: ты просто идёшь рядом.

Он опустил взгляд на свои ладони. Свет в них горел ровно, глубоко, как пламя в защищённой лампе — от ясности, которая, как он думал, наконец, пришла.

На столе рядом продолжал жить своей тихой, автономной жизнью чёрный брусок «Зеркала-7». Он слабо вибрировал, не запрашивая внимания, а лишь подтверждая свой статус «в сети». Его экран оставался тёмным, но где-то в его памяти уже лежали координаты цеха и биоритмы Леонида.

А где-то на другом конце, в безликом серверном кластере, обозначенном как «Ветер-12», статус операции «Нулевой пациент» сменился с «Наблюдение» на «Активная фаза. Ожидание результата эксперимента Л.С. с субъектом Ковалёв. Готовность к сценариям „Изъятие“ или „Санитарная обработка“».

Леонид этого не видел. Он видел только свой свет и верил, что завтра всё изменится.

ГЛАВА 10. КАТАСТРОФА

Рука Артёма билась о бетон, будто пыталась убежать от собственного тела. Пальцы не светились — они корчились в агонии, испуская рваные вспышки, треск, мерцание на грани короткого замыкания. Свет оказался не даром, а побочным продуктом распада нервной системы, перешедшей в режим, для которого не существовало инструкции.

Заброшенный цех когда-то собирал телевизоры, а теперь собирал обрывки реальности. Ветер свистел в разбитых окнах, гоняя пыль и обрывки газет с лицами, давно стёртыми временем.

Вера стояла на коленях. Шприц в её руке содержал стабилизатор нейромедиаторов — последнюю надежду, но её пальцы дрожали так сильно, что капли падали на грязный пол.

— Держись, держись, держись... — бормотала она, но не Артёму, а себе.

В двух метрах от неё Леонид стоял на коленях перед лежавшим Артемом. Его ладони были прижаты к груди мальчика, и от них исходил ровный синий свет — без вспышек, без дрожи. Свет, который не грел, а замораживал боль.

— Горит... Всё внутри горит... — выкрикнул Артём сквозь судорогу.

— Держись, — Леонид говорил сквозь стиснутые зубы, и его голос был не утешением, а командой системе. — Я перепишу код. Сейчас...

Он не «входил» в сознание — он врезался в биополе, как хирург в разрез, ища частоту, на которой тело ещё слушало. «Протокол сбоя: смерть субъекта...» — дальше цифры не шли, они расплывались, потому что перед ними было другое — лицо Артёма, каким оно было минуту назад, когда мальчик улыбался, играя на синтезаторе. «Первый контакт», — сказал он тогда. Первый и последний.

«Я убил его, — подумал Леонид. — Не вышка, не Волохов. Я. Своим присутствием, своей верой в то, что могу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.